

ИВЕС

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

СЛИШКОМ
МНОГО
КОШМАРОВ

ОДНИ

Макс Фрай
Слишком много кошмаров
Серия «Сновидения Ехо», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8910456
Слишком много кошмаров / Макс Фрай: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088720-0

Аннотация

В этой книге слишком много не только кошмаров, а вообще всего. Страшных тайн и просто чужих секретов, городских улиц, новых домов, крепких напитков, друзей, сновидений, разговоров до утра, красавиц и, конечно, ужасных чудовищ, куда без них. В этой книге слишком много жизни – столько, что хватит всем персонажам и останется на долю читателя. Каждому прочитавшему – дополнительный год к отпущенному судьбой сроку. Со строгим условием: потратить его исключительно на чудеса.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

153

Макс Фрай

Слишком много кошмаров

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Когда балансируешь над пропастью на узкой, скользкой от крови доске, ответ на закономерный вопрос: «Как меня сюда занесло?» – вряд ли принесёт практическую пользу. Зато поиски этого ответа вполне могут немного отвлечь от неприятных размышлений на тему: «Что будет, если я сейчас оступлюсь?» Да ничего не будет. Потому что всё сразу закончится. Давай, соберись, представь, что эта доска лежит на полу, пройти по ней – что может быть проще? Вдохни, выдохни, успокойся и сделай наконец шаг. Небольшой, не надо жадничать. Первый из полудюжины – всего-то. Давай. За это я притворюсь, будто верю в твои силы. В смысле в свои. Ну, в общем, ты понял.

А ведь буквально только что я шёл по залитой слепополу-денным солнцем улице, глаза по сторонам и пытаюсь сооб-

разить, где это у нас в Ехо такой симпатичный район и почему я до сих пор никогда тут не был. Может быть, где-то на Левом Берегу? Похоже на то, таких аккуратных маленьких домиков, окружённых большими садами, на Правом днём с огнём не сыщешь. А на окраине Левого попадаются целые кварталы.

Потом я зачем-то свернул за угол и внезапно оказался – даже не знаю, как правильно сказать: оказался ночью? в ночи?

В общем, там, за углом, была ночь. Не «внезапно наступила», а именно была – то ли просто задолго до моего прихода, то ли вообще всегда. Но это обстоятельство вовсе не показалось мне странным. С тех пор, как в Кодекс Хрембера внесли несколько сотен разнообразных увлекательных поправок, общий смысл которых сводится к тому, что граждане Соединённого Королевства снова получили полное право колдовать сколько влезет, от обычной послеобеденной прогулки по городу ждёшь ещё и не таких сюрпризов.

Поэтому я совершенно не удивился и принялся осматриваться – скорее в надежде, что всё-таки опознаю улицу, чем с какой-либо иной целью.

Однако увиденное мне не понравилось. И дело тут, конечно, не в темноте. Я-то как раз люблю ночь – время, когда небо закрывает свой сияющий солнечный глаз и видит землю не наяву, как днём, а во сне.

Я хочу сказать, ночь – это время, когда мы снимся небу.

Именно поэтому самые невероятные вещи происходят с нами по ночам. Даже в волшебных городах вроде Ехо, где жизнь и днём особо скучной не назовёшь.

Но тут, за углом, я это сразу почуял, была какая-то не та ночь. Не такая, как надо. Похоже, про это место небу приснился кошмар, и теперь оно тревожно ворочалось у меня над головой, не зря же здесь дул такой ветер – не то чтобы очень сильный, зато как бы во все стороны сразу. С ног такой не собьёт, зато с ума свести может запросто, всё, что ему для этого нужно, – время. Возможно, не так уж много.

В мои ближайшие планы сумасшествие не входило. Быть безумным я уже пару раз пробовал, и мне совершенно не понравилось. Поэтому я принялся оглядываться по сторонам, пытаюсь сообразить, как отсюда выбраться. Ясно, что проще всего было бы повернуть назад, но в подобных местах «назад» обычно не получается, потому что, оглянувшись туда, откуда пришёл, обнаруживаешь тупик. Например, как сейчас, сплошную каменную стену – гладкую, не перелезть. И заклинание, позволяющее проходить стены насквозь, вылетело из головы, словно бы и не знал его никогда. А может, правда не знал? Только собирался выучить, да всё откладывал на потом?

Ладно, что толку теперь локти кусать. Надо искать выход. Пространство, где я оказался, выглядело как огромная стройка, заброшенная несколько лет назад, причём на таком неприятном этапе, когда старый квартал уже разрушен,

жильцы уехали, побросав где попало ненужный скарб, окна в домах выбиты, крыши ободраны, деревья выкорчеваны с корнем, строительный мусор ещё не вывезли, зато новые материалы уже начали доставлять, поэтому всюду громоздятся мешки, доски, камни и неожиданно аккуратные пирамиды условно новенькой черепицы. Прибавьте к этому сломанную мебель, разбитые лампы, щербатую посуду, старую обувь и ветхие игрушки, рассеянные по территории, и представшая мне картина будет восстановлена во всей своей удручающей полноте. В общем, даже хорошо, что темно, при дневном свете всё это выглядело бы совсем ужасно. А так – ну, просто заброшенная стройка, постепенно превращающаяся в свалку. Есть на свете места и похуже. Хотя в такие я, будем честны, давненько не забредал.

За годы жизни в Ехо моё ночное зрение стало почти таким же острым, как у коренных угуландцев, в противном случае я бы вряд ли заметил узкий проход между двумя домами, не то будущими, не то всё-таки бывшими. Обнаружив его, удивился: у нас, в Ехо, дома обычно или вплотную лепятся друг к другу, соединённые общей стеной, или стоят в гордом одиночестве, окружённые палисадниками. В разных кварталах по-разному, однако такого компромисса, как узкая щель между стенами соседних домов, я до сих пор, вроде бы, не встречал.

Всё к лучшему – наверняка через этот проход можно выбраться на не затронутую ремонтом часть улицы. Где, бу-

дем надеяться, всё ещё день. Ну или хотя бы горят фонари. И жизнь похожа на жизнь, и ветер – на просто ветер, и я сам на себя.

Но уже пару минут спустя я понял, что это была плохая идея. Даже так: Очень Плохая Идея. С большой буквы. Любая идея, загоняющая вас в ловушку, безусловно, заслуживает этого почётного звания.

Штука даже не в том, что идти пришлось гораздо дольше, чем обычно рассчитываешь, ныряя в проход между домами на обычной городской улице. Ну или на необычной. Всё равно почти бесконечный проход между зданиями – совсем не дело. Но с этим я бы ещё как-нибудь смирился.

И не в том беда, что благоразумно повернув назад, я обнаружил там ещё одну стену – снова тупик. Этого я, будем честны, заранее ожидал.

Даже тот факт, что внутри зданий, между которыми я пробирался, творились какие-то явно нехорошие дела, не особо меня огорчил. Рычание, вой и жалобные стоны, доносившиеся отовсюду, свидетельствовали, что посторонним сюда лучше не лезть – я и не собирался. А, заметив в оконном проёме анемичную блондинку, с аппетитом пожирающую человеческую ногу, загорелую, волосатую и на фоне бледной людоедки торжествующе живую, решил, что это меня не касается. В конце концов, мои ноги пока на месте, а барышне явно требуется усиленное питание. И вряд ли сейчас подходящий момент для урегулирования наших с ней гастрономических

разногласий.

Больше всего мне не нравилось, что земля у меня под ногами постепенно переставала быть твёрдой. И вообще землёй. Подо мной ходуном ходили какие-то шаткие гнилые доски, а этого я действительно не люблю. Предпочитаю твёрдо стоять на ногах во всех ситуациях и во всех возможных смыслах этого выражения. И когда это не получается, начинаю сердиться – верный признак, что я напуган.

А это уже никуда не годится. Как маленький, ей богу. Стыдись, сэр Макс.

Но для того, чтобы устыдиться, мне требуется хотя бы один свидетель. Желательно лучший друг. Ну или ладно, не лучший. На самом деле даже не обязательно друг. Кто угодно сойдёт, потому что я стремлюсь выглядеть героем в глазах любого свидетеля. И обычно так хорошо вхожу в эту роль, что сам себе верю. Поэтому у меня репутация очень храброго человека.

Но на необитаемом острове я, вероятно, наложу в штаны от первого же подозрительного шороха. И буду проделывать эту негигиеничную процедуру примерно раз в полчаса, если только не появится хоть какой-нибудь заинтересованный зритель. Говорящий попугай, думаю, сойдёт.

Поэтому, в общем, хорошо, что я вовремя заметил белокурую людоедку. Она не обратила на меня ни малейшего внимания, но её присутствие где-то далеко за спиной всё равно заставило меня держаться молодцом. То есть пода-

вить в себе естественное человеческое желание завершать от ужаса и попытаться залезть на стену. А вместо этого идти дальше твёрдой походкой человека, приготовившегося в любую секунду загреметь в ад и заранее уверенного, что адским обитателям крупно не повезло заполучить такого гостя.

Так я шёл по стонущей, дрожащей, прогибающейся под моими ногами земле – не то тысячу лет, не то целых десять минут. В общем, очень долго. Пока не оказался на краю расщелины, довольно узкой, но всё же не настолько, чтобы преодолеть её в один прыжок. Внизу была подозрительно бездонная пропасть, а на другой стороне – город Ехо, хорошо мне знакомый и живущий нормальной будничной жизнью, по крайней мере, на первый взгляд. Я даже улицу узнал – Жёлтых Камней. Она в Новом Городе, я когда-то снимал там дом, и это были очень хорошие времена.

Сейчас, впрочем, тоже хорошие.

Дело за малым – вернуться в эти хорошие времена. То есть перейти мост.

Мостом служила переброшенная через пропасть доска. Даже не то чтобы какая-то особенно узкая. Самая обычная доска шириной в две моих ступни. Пройти по такой – плёвое дело. Пока она лежит на земле. А когда такая доска переброшена над бездонной пропастью, почти невозможно заставить себя сделать хотя бы один шаг. По крайней мере, если ты человек с пылким воображением.

Мне не повезло, я – с ним.

Но в некотором смысле всё-таки повезло: выбора у меня не было.

Только сделав первый шаг, я обнаружил, что доска ещё и залита кровью – явно для поднятия у меня боевого духа.

Вообще-то я совершенно спокойно отношусь к крови. В смысле не падаю в обморок от её вида. И даже настроение мне таким зрелищем особо не испортишь, по крайней мере, если кровь не моя. Но именно сейчас кровь была совершенно некстати, потому что доска, и без того не шибко устраивавшая меня в качестве моста, оказалась чертовски скользкой. И одновременно липкой. И мне, кроме всего, заранее страшно было подумать, в какое состояние придёт моя обувь. Здесь, в Ехо, носят сапоги из тончайшей кожи, и подошва у них обычно тоже очень тонкая. Ходить в такой обуви неописуемо приятно – ровно до тех пор, пока не влезешь в грязь, которая мгновенно пропитает ее насквозь. Обычно о подобной проблеме даже не задумываешься, в Ехо грязь днём с огнём не сыщешь, разве что в Портовом Квартале бочка с вином треснет – тогда, конечно, лучше быстренько вспомнить нужное заклинание и продолжить путь в полуметре над землёй. А тут вдруг кровь...

«Так, стоп, – сказал я себе. – Заклинание! Ты же можешь не идти по доске, а парить над ней. И всё! Какие вообще проблемы?!»

Даже рассмеялся вслух от облегчения. И тут же взлетел, причём вообще без всякого заклинания. Просто не успел его

прочитать.

И проснулся.

– Ну и как тебе? – нетерпеливо спросил Нумминорих, помогая мне подняться с тротуара, на котором я зачем-то лежал. – Что ты видел? Или это секрет? Ох, ну конечно, это же твой сон и твоя жизнь! Прости, я любопытный дурак. Но тебе понравилось? Всё будет хорошо?

– погоди, – сказал я. – Дай сперва вспомнить, на каком я свете. И зачем я тут, собственно говоря, нужен. И кто все эти люди.

– Просто прохожие, которые ждут своей очереди к гадалке, – кротко объяснил Нумминорих. – Ты довольно долго спал, целых десять минут. Обычно у неё все быстро просыпаются. Только глаза закрылись, и тут же – хлоп! – вскочил, довольный увиденным. Ну или не очень довольный...

– Очереди к гадалке, – меланхолично повторил я.

Просто так повторил, лишь бы не молчать. Но это отлично сработало. Реальность, только что представлявшая собой неизъяснимый хаос, наконец собралась в кучку, настолько аккуратную, что я без труда обнаружил в ней свое место и текущий статус. Любопытный праздношатающийся горожанин в поисках развлечений – вот кем я сейчас был.

По моим меркам колоссальное достижение. Потому что обычно я или бегаю по городу с высунутым языком, света белого не видя (это состояние называется: «у меня очень мно-

го работы»), или брожу, как сомнамбула, ничего не замечая (под девизом: «у меня такой богатый внутренний мир, что уж лучше бы было просто много работы»). А праздно шататься по улицам, интересуясь колоритными персонажами и принимая деятельное участие в незначительных происшествиях, из которых, собственно, складывается повседневная городская жизнь – это совершенно новый уровень житейского мастерства. Даже не верится, что у меня наконец начало получаться.

Впрочем, моей заслуги в том не было. Просто сказывалось порочное влияние Нумминориха. Который формально зачем-то считается моим учеником, а на самом деле усердно занимается моим перевоспитанием. И уже достиг немалых успехов на этом поприще. По крайней мере, когда Нумминорих сказал, что в Новом Городе объявилась уличная гадалка, за небольшую плату насылающая на всех желающих какой-то особый «Пророческий сон», я не наградил его скучающим взглядом пожилого куманского принца, давным-давно изведавшего все мыслимые наслаждения Мира. И даже не пообещал, что непременно выберу время для ознакомления с предметом когда-нибудь потом. А напротив, бодро выскочил из-за стола, где стояли остатки не то позднего завтрака, не то всё-таки раннего ужина, несколькими отработанными до автоматизма движениями рук сменил знакомое всему городу лицо на чужую невнятную рожу и потребовал: «Пошли, покажешь!»

Совершенно не похоже на того сэра Макса, которым я привык быть, большого любителя откладывать на неопределённое будущее всё, что удастся, включая удовольствия и развлечения. Собственно, их – в первую очередь. Думаю, таким образом моё сознание просто защищалось от переизбытка новой информации. Но, хвала Магистрам, оно наконец-то уяснило, что сопротивление бесполезно – привыкнуть к удивительному процессу, который считается моей повседневной жизнью, невозможно, конца сюрпризам, переменам и потрясениям не видно, и вряд ли ситуация изменится в ближайшую тысячу лет. Осмыслив этот факт, сознание решило: ладно, раз так, будем брать всё, что дают. Вот, например, гадалку по сновидениям. Заверните.

Гадалка, так уж совпало, облюбовала для своих сессий улицу Жёлтых Камней, ту самую, где я одно время снимал квартиру, вернее, огромный дом, который так толком и не обжил, потому что у меня вечно находились дела поинтересней. И спальни, ночевать в которых мне нравилось куда больше, чем в собственной. Вернее, всего одна спальня на соседней улице Забытых Снов; впрочем, неважно. Всё равно улицу Жёлтых Камней я до сих пор считаю в некотором смысле «своей». А гадалку, толстую загорелую старуху, одетую по моде всех континентов сразу – стёганный жилет под коротким лоохи, пёстрая юбка поверх кожаных матросских штанов и меховая изамонская шапка, лихо сбитая на заты-

лок, — автоматически зачислил в «соседки» и проникся к ней необъяснимой, но вполне закономерной симпатией. Столько улиц в столице Соединённого Королевства, а она, гляди-ка, выбрала для работы мою. Ну, положим, бывшую «мою». Но всё равно.

Улицу Жёлтых Камней сложно назвать многолюдной. Кроме жителей окрестных домов тут можно встретить разве что завсегдатаев трактира «Жирный индюк» и желающих заказать обувь у весёлого рыжего сапожника, ещё на моей памяти открывшего мастерскую в ярко-зелёном трёхэтажном доме на углу. Однако гадалка вовсе не скучала в одиночестве. К ней даже очередь образовалась; впрочем, шла она довольно быстро. Старуха со своими клиентами особо не церемонилась: возьмёт монетку, стукнет по лбу, придержит спящее тело, чтобы не рухнуло на тротуар, а буквально несколько секунд спустя жертва её колдовства просыпается, удивлённо хлопает глазами, встаёт и отходит в сторонку, переваривать впечатления. Следующий!

Я и заметить не успел, как подошла наша очередь.

— Давай ты, — великодушно предложил Нумминорих. — Я только сегодня утром попробовал и увидел совершенно замечательную погоню за злодеями в духе хроник Эпохи Орденов в изложении для младших школьников. Вряд ли с тех пор в моей судьбе произошли какие-то радикальные изменения. Зачем один и тот же сон дважды смотреть?

— Ну, хотя бы для того, чтобы убедиться, что сон действи-

тельно будет тот же, – возразил я.

Очень логично, как мне кажется, возразил. Однако Нум-минорих не внял доводам разума, а деликатно подтолкнул меня к старухе, взиравшей на наши препирательства с невозмутимостью Королевского Церемониймейстера.

Теоретически ещё можно было извиниться и уйти, вряд ли она за мной погналась бы. Но я заглянул в глаза гадалки – один цвета тёмного янтаря, второй светлого – и пропал. Можно сказать, влюбился. Только нормальный влюблённый обычно жаждет объятий и поцелуев, а я вдруг страстно захотел, чтобы она мне погадала. Немедленно, прямо сейчас. Что на самом деле свидетельствует вовсе не о моей потрясающей интуиции и не о каких-то сверхспособностях гадалки. А только о её мастерском умении мгновенно расположить к себе любого незнакомца, совершенно бесценном для тех, кто вынужден работать на улице, где каждый равнодушный прохожий – упущенная выгода.

Забавно, что я не только прекрасно понимаю всё вышесказанное, но даже техникой притягательного взгляда, которой часто пользуются уличные фокусники, гадатели и просто попрошайки, в своё время овладел. Не то чтобы она была мне жизненно необходима, но когда это я отказывался от возможности стать ещё обаятельней?

Однако всё это совершенно не помешало мне поддаться нехитрым чарам уличной гадалки и оказаться целиком в её власти. Всего на несколько секунд, дольше это незамыслова-

тое колдовство не действует, но их как раз хватило, чтобы протянуть старухе монету в полкоронки.

Так теория расходится с практикой. И посрамлённый теоретик получает магический удар в лоб. И засыпает, как миленький, будь он хоть тысячу раз грозный сэр Макс – поделом ему!

То есть мне.

Тем более, что грозный я тоже только теоретически. А на практике – безобиднейшее существо. Вот и сейчас, даже сдачи не дал драчливой старухе. А безропотно погрузился в Пророческий сон.

Ни хрена себе пророчество получилось.

– Ни хрена себе пророчество! – сказал я вслух.

И тон выбрал самый что ни на есть скандальный. Не люблю чувствовать себя сбитым с толку, хотя за столько лет ежедневной практики мог бы и привыкнуть.

– Уж какое есть, – равнодушно откликнулась старуха-гадалка. – Всё, что я могу, – это показать тебе небольшой фрагмент твоего будущего. И не моя вина, что ты до него доживёшь.

На этом месте я простил ей всё. И, можно сказать, заново влюбился. Обожаю чеканные формулировки.

– А что, твои сны действительно сбываются? – спросил я. Старуха пожала плечами.

– Да кто ж их знает. Но до сих пор вроде никто не жаловался, – буркнула она.

И была чрезвычайно убедительна в своём нежелании убеждать.

Я достал из кармана корону и протянул её гадалке. Та скорее удивилась, чем обрадовалась. Корона Соединённого Королевства – это, как говорил один мой знакомый, простодушный ландаландский оборотень, «большая деньга». На эту сумму можно, не особо себя стесняя, прожить целую неделю. Вернее, было бы можно, если бы в Соединённом Королевстве Угуланда, Гугланда, Ландаланда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, земель Благостного Ордена Семилистника, вольного города Гажин и острова Муримах было принято измерять время неделями. Но такими глупостями мы тут не занимаемся.

В общем, столько денег уличным фокусникам и гадалкам не дают даже подвыпившие столичные богачи. Я один такой идиот, да и то изредка, под настроение. Вот сегодня, например.

– Целая корона за плохой сон? – наконец спросила старуха. – Который, к тому же, вполне может сбыться? Ты настолько любишь кошмары?

– Терпеть их не могу, – честно признался я. – Но жив-то я там, по крайней мере, остался. Уже хорошо. Значит гуляем! Люблю быть живым.

– Очень разумный подход, – согласилась гадалка. – Ты на редкость здравомыслящий человек. Можешь не беспокоиться о своём будущем, таким, как ты, всё впрок.

Ради столь духоподъёмного комплимента стоило вставать из-за стола и отправляться в Новый Город. А я ещё и такой увлекательный кошмар посмотрел. Самое настоящее злое пророчество! День определённо задался.

День, надо сказать, задался до такой степени, что домой я вернулся только около полуночи. Вошёл через парадную дверь в полной уверенности, что гостиная моя в это прекрасное время суток будет безлюдна и уныла, как бескрайние равнины Пустых Земель, откуда я якобы родом – согласно одной из множества сложенных обо мне легенд.

Однако я ошибся. В гостиной было полно народу. И отчаянно воняло рыбой.

Источник запаха я вычислил сразу. За столом, уставленным тарелками и кувшинами, по большей части пустыми, Меламори и Трикки Лай с горящими азартом глазами состязались в производстве мистических селёдочных тортов – чей просуществует дольше. Меламори пока проигрывала соревнование по прикладному чудотворству. Её изделия отличались гигантскими размерами и причудливыми расцветками, но эти достоинства, к сожалению, совершенно не способствовали их долговечности. Даже минуты ни одному не удалось продержаться. Впрочем, я не сомневался, что ещё пару дюжин попыток, дней или лет спустя Трикки придется нелегко. Меламори очень упрямая. И до сих пор не вывернула Мир наизнанку только потому, что никому не пришло

в голову сказать, будто она нипочём этому не научится.

И хвала Магистрам, что так.

На ковре, скрестив длинные человеческие ноги, сидел мой домашний монстр и по совместительству всеобщий любимчик Базилио, как всегда окруженный сонно мурлыкающими Армстронгом и Эллой. Напротив него примерно в такой же позе устроился сэр Джуффин Халли. Только котов на его долю не хватило, у меня их всего две штуки. Я вообще суровый аскет.

Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска держал в руках карты. Карты Базилио болтались в воздухе, прямо перед его клювом. Судя по выражению лица Джуффина, игра шла очень даже неплохая. Он не настолько вежлив, чтобы имитировать интерес.

На меня все они не обратили ни малейшего внимания. Только верный пёс Друппи приветливо взмахнул ушами во сне – дескать, я тебе рад, но очень уж лень подниматься. А его приятель Дримарондо вообще не заметил моего появления. Потому что валялся на диване с книжкой и задумчиво скрёб задней лапой за ухом. То ли к завтрашней лекции готовился, то ли просто наслаждался жизнью, со стороны эти два его состояния выглядят совершенно одинаково.

– Ты бы хоть однажды залаял в честь моего прихода, – укоризненно сказал я.

– Гав, – флегматично отозвался Дримарондо. И с подчеркнутой вежливостью поинтересовался: – Теперь ты впол-

не удовлетворён?

– Будем считать, что да, – вздохнул я.

Иногда я – сама кротость.

Отчаявшись привлечь к себе хоть чьё-нибудь внимание, я присел на корточки рядом с Базилио и некоторое время наблюдал – не столько за ходом партии, сколько за самостоятельно взлетающими и укладывающимися на ковёр картами.

– Как тебе это удаётся? – наконец спросил я.

Базилио неопределённо дёрнулся. Будь наше кошмарное чудовище чуть более человекообразно, можно было бы сказать, что оно пожало плечами. Но когда в твоём распоряжении гигантское рыбье туловище, к которому дивным образом прикреплены индюшачья голова, человеческие ноги и роскошный лисий хвост, пожимать плечами становится довольно затруднительно, потому что конструкцией даже малейший намёк на них не предусмотрен. И живи как знаешь.

– Да было бы чему удаваться, – отмахнулся Джуффин. – Ерундовый в сущности фокус. Одушевлённые иллюзии вообще очень легко обучаются Очевидной магии.

И наконец обратил ко мне затуманенный азартом взор.

С каждой секундой взор становился всё более просветлённым. Еще и минуты не прошло, а могущественный шеф Тайного Сыска наконец уразумел, что ему выпало немыслимое счастье лицезреть перед собой не кого попало, а именно меня.

– Ну наконец-то явился, – сказал он. – Где ты весь вечер

шлялся?

– Предавался тайным порокам, – надменно ответствовал я.

Просто чтобы немного его порадовать.

– Каким именно? – деловито уточнил Джуффин.

Меламори и Трикки Лай бросили свои торты и с неподдельным интересом уставились на меня. Даже Дримарондо оторвался от книжки. И только Базилио напряжённо пялился в свои карты. На его месте я бы сейчас тоже так пялился – насколько я успел заметить, дела его в этой партии были довольно плохи, но пока не настолько безнадежны, чтобы сдаться и начать новую игру.

И мне сдаваться тоже не следовало.

Я задумался, пытаюсь припомнить, какие вообще бывают пороки. Вернее, что именно ими считается. Наконец сказал:

– Например, пьянству и разврату.

Боюсь, я был недостаточно убедителен. По крайней мере, Дримарондо снова уткнулся в книгу, Меламори быстренько произвела на свет очередной торт в зелёных кремовых завитушках, Трикки уставился на секундомер, чтобы выяснить, как долго её изделие продержится в мире материальных объектов, Базилио горько засопел над своими картами, а Джуффин снисходительно уточнил:

– В смысле, сидел на Гребне Ехо со стаканом вина, которое даже не попробовал, и пялился на прохожих?

– Ну, предположим, попробовал, – возразил я. – Почти

половину выпил. Довольно вкусное попало. И вообще это было не на Гребне Ехо, туда я сегодня не дошёл. А паяться на прохожих с целью выяснить, кто из них видит нас во сне, а кто просто так по городу шляется, наиважнейшая часть моей работы. Скажешь, не так?

– Да кто бы возражал, – ухмыльнулся он. – Просто я так и не понял, в чём, собственно, состоял разврат.

– Ннну... Предположим, я представлял себе, что все прохожие голые.

Джуффин на секунду задумался, потом решительно помотал головой.

– Ну уж нет. У тебя не настолько крепкие нервы.

На моей памяти это был первый случай, когда сэр Джуффин Халли публично усомнился в моём всемогуществе. По идее, это следовало отметить, но идти на кухню за бутылкой мне было лень. А на столе ничего путного не осталось.

– Ладно, – вздохнул я, – твоя правда. Никого я голым не представлял. Зато назначал свидания разным легкомысленным девицам. Одну уговорил, сейчас придёт.

– Ого! – уважительно хмыкнула Меламори. – Это что-то новенькое. А мы ей не помешаем?

– Это вряд ли, – честно сказал я. – Ей, я думаю, вообще никто в Мире не может помешать. К тому же свободных комнат в доме более чем достаточно.

Джуффин открыл было рот – вероятно, чтобы съязвить. Но тут Базилио сделал наконец ход, на мой взгляд, самый

разумный из возможных в сложившейся ситуации. И шефу Тайного Сыска снова стало не до меня. Он погрузился в игру, да так глубоко, что не обратил внимания на хлопнувшую входную дверь.

А зря.

Потому что на пороге стояла самая прекрасная юная леди в этом Мире. Ну, по-своему самая прекрасная. В своей, так сказать, весовой категории сверхъестественно нелепых девиц.

Она была мала ростом, тоща, как ощипанный полудохлый индюшонок, зато надменна, как восемнадцатый помощник левой пятки дежурного Королевского секретаря в день раздачи ежегодных наград. Словно бы появилась здесь лишь для того, чтобы облагодетельствовать Мир своей неопикуемой красотой: широкими скулами, веснушчатым носом картошкой и огромными, в пол-лица, фиалковыми глазищами в обрамлении пушистых выгоревших ресниц. Светло-рыжие волосы были заплетены в великое множество косиц, тонких и толстых, длинных и коротких. Половина их задорно топорщилась, а половина уныло свисала вдоль лица, нарумяненного, как у начинающей оперной певицы, гастролирующей по деревенским трактирам. В довершение всех бед полы её остромодного ярко-розового лоохи заканчивались чуть ли не подмышками, открывая взорам и без того ошеломлённой публики полосатую вязаную скабу, толстую, как зимнее одеяло и такую узкую, что ходить в ней можно было только со-

всем короткими шажками.

Я, конечно, успел послать зов леди Сотофе Ханемер, которая наконец выбрала время навестить нас с Базилио, и предупредить, что у меня полон дом народу. И услышать в ответ: «Тем лучше, люблю устраивать сюрпризы». И прикинуть, что это могут быть за сюрпризы, и многократно умереть от любопытства, благо делаю это обычно со скоростью тридцать три смерти в секунду. Но всё равно совершенно не ожидал настолько эффектного появления. Думал – ветром влетит в окно, рыбой выпрыгнет из чьей-нибудь кружки или просто огненным фонтаном забьёт посреди гостиной. Или ещё что-нибудь такое простое и милое, в духе старинных легенд для самых маленьких.

Всё-таки у меня совсем небогатое воображение, давно пора это признать.

Сюрприз вышел знатный, по крайней мере, Меламори и Трикки Лай смотрели то на девуцу, то на меня, распахнув рты, как школьники, случайно попавшие на выступление придворного фокусника. Джуффин озадаченно хмыкнул – он-то, ясное дело, сразу узнал свою старинную подружку, но был столь впечатлён её костюмом, что даже поздороваться забыл. А Базилио наконец отвлёкся от карт, и они медленно спланировали на ковёр. Хорошо хоть рубашками вверх, а то совсем было бы обидно.

– Какая вы красивая, – сказал он. И, вспомнив, как обыч-

но на него реагируют при первой встрече, поспешно добавил: – Пожалуйста, не надо меня бояться! Я не убиваю и не ем людей. За свою недолгую жизнь я неоднократно убеждался, что мой облик может привести к подобным умозаключениям. Но я только с виду такое ужасное чудовище. Это нечаянно получилось, я не виноват.

– Это просто отлично, что ты не ешь людей, – откликнулась наша гостья. – Очень, знаешь ли, бывает обидно, когда приходишь к кому-нибудь по важному делу, а оно – ам! – и съедает тебя целиком, даже не раздев. Воскреснуть потом – дело нехитрое, хоть и хлопотное, а вот нарядов не напасёшься.

Гребни Базилио трепетали, хвост панически метался из стороны в сторону, свидетельствуя о накале благородных страстей, бушующих в его нелепой груди.

– Так вы умеете воскресать? – наконец спросил он.

– Я вообще всё умею, – без ложной скромности призналась леди Сотофа.

Джуффин скорчил совершенно умопомрачительную гримасу в диапазоне от «перед ребёнком расхвастаться большого ума не надо» до «а я знаю один фокус, который, на что спорим, с первого раза не повторишь». Но, как ни странно, промолчал. Иногда он демонстрирует удивительное чувство такта – подозреваю, исключительно с целью шокировать тех, кто хорошо его знает.

Зато Базилио говорил, не умолкая, взволнованно разма-

живая хвостом.

– Так вы пришли ко мне? По важному делу? Как это поразительно! Наверное, вы тоже из числа придворных учёных? Мне казалось, они по ночам в гости не ходят. Как замечательно, что я ошибался!

Неудивительно, что у него сложилось столь благоприятное впечатление. Под видом «придворного учёного» Базилио периодически навещает сам Король, большой любитель экстравагантных знакомств, а он слишком деликатный человек, чтобы вламываться в чужие дома после полуночи – в отличие от всех остальных моих знакомых. И от меня самого.

– Можешь считать, что из учёных, – легко согласилась леди Сотофа. – А дело у меня к тебе настолько важное, что среди бела дня его даже обсуждать как-то неуместно. Недостаточно торжественная обстановка.

– Тогда мы можем отправиться в мой кабинет, – осипшим от волнения голосом предложил Базилио.

Я как раз только вчера догадался сказать чудовищу, что оно может спокойно присвоить помещение, прежде официально считавшееся моим кабинетом. И не спрашивать всякий раз разрешения его занять. Всё равно я там никогда не сижу, а у Базилио каждый день важные гости. То Его Величество Гуриг Восьмой с анонимным визитом пожалует, то Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска в картишки перекинуться пожелает, то Великий Магистр Ордена Семилистника притащит очередную тонну книг, совер-

шенно, по его утверждению, необходимую всякой одушевлённой иллюзии для получения начального домашнего образования. А теперь вот сама леди Сотофа Ханемер пожаловала. По всему выходит, что уродиться ужасающего вида химерой с добрым нравом и ясным умом – кратчайший путь к светскому успеху.

Но Базилио совсем не нужен светский успех. По крайней мере, не такой ценой. И я понимаю его, как никто. На его месте я бы уже давным-давно спятил от несоответствия чудовищного облика деликатному внутреннему устройству. А он только плачет тихонько время от времени, когда думает, будто все спят, и никто не услышит его жалобных всхлипов.

Но я, конечно, всё равно слышу.

– Кабинет – это именно то, что надо, – согласилась леди Сотофа. – Нам с тобой многое надо обсудить. И кое-что сделать. Пошли.

Джуффин опять ничего не сказал. Но на лице его отразились вполне понятное мне чувство скорбного возмущения: «Как, всё самое интересное вы будете делать без меня?!»

Мне тоже было обидно. Но ясно, что некоторые вещи не должны происходить на публике. Например превращение чудовища в человека. И, тем более, предваряющий это превращение задушевный разговор.

Когда что-то идёт не так, Базилио чувствует это первым. Вот и сейчас растерянно покосился на меня. Дескать, чем вы все так недовольны?

– Проводи гостью в свой кабинет, – сказал я. – Чего ты ждёшь?

– Да, – пролепетал Базилио. – Извините меня, пожалуйста. Идёмте.

Они наконец удалились. Кошки растерянно переглянулись и затопали следом. А все остальные вопросительно уставились на меня.

– Я правильно понимаю, что теперь ты заманиваешь в дом незнакомых девушек, хвастаясь, что покажешь им чудовище? – наконец спросила Меламори.

– Почти правильно, – кивнул я. – Только почему это «хвастаюсь»? Чистую правду говорю, ни капельки не преувеличиваю. Да и девушка не то чтобы совсем незнакомая. Ты, кстати, тоже её знаешь.

– Из моих знакомых это может быть разве что Мелифаро, – растерянно сказала она. – Больше никто не согласится в такой ужас одеться, хоть стреляй. А внешность изменить – дело по нынешним временам нехитрое. И сэра Кофу всегда можно попросить, если не получается... Но Мелифаро, по идее, сейчас должен быть очень занят. Все уши мне прожужжал своим скорым переездом в какой-то новомодный дом на Удивительной улице.

– Только я так и не понял, чем именно удивительна эта улица, – заметил Трикки Лай.

– Скорее всего, ничем. Просто так называется. Впрочем, я

сама впервые узнала о её существовании только сегодня. Это где-то по дороге в Новый Город, а в том районе даже старожилы слабо понимают, где у них что, и почему оно именно там. И на кой их всех вообще сюда занесло, и как они будут выбираться. Но судя по тому, что сэр Мелифаро твёрдо намерен туда переехать, место становится модным.

– Переезд пойдёт ему на пользу, – заметил Джуффин. – По моим наблюдениям, чем дальше от Дома у Моста живут мои сотрудники, тем быстрее они осваивают искусство Тёмного пути. Возможность сэкономить время на дорогу – куда более мощная мотивация, чем абстрактное стремление к совершенству.

– А мне этот красавец о переезде ни словом не обмолвился, – сказал я. – Хотя, по идее, должен был позвать на помощь. Я шкафы в пригоршне таскать умею. И смешить его жену. И отвлекать всех от работы. Глупо с его стороны не заручиться поддержкой такого могущественного человека, способного превратить любое рутинное дело в практически невыполнимую миссию.

– Сам виноват, – усмехнулся Джуффин. – Совсем неуловимым стал, хуже мятежных Магистров. Надо было не шлаться весь день невесть где, а мирно бездельничать с нами в Управлении. Поседел бы от скуки, зато был бы в курсе всех новостей.

– Но с Мелифаро-то я только вчера ужинал.

– Ха – вчера! – фыркнула Меламори. – Целую вечность

назад. Идея переезда осенила его только сегодня после обеда... Так что, получается, эта девица – не он? Тогда у меня никаких идей.

– Я, конечно, понимаю, что ты сейчас не на службе, – вкрадчиво сказал Джуффин. – Но голова-то всё равно при тебе. И светлый ум наверняка по-прежнему плещется где-нибудь в её потаённых глубинах, я в этом почти уверен. Можешь с чистой совестью использовать это бесценное достояние Соединённого Королевства в личных целях. Я не против.

– Что вы имеете в виду? – опешила Меламори.

– Ну ты же Мастер Преследования, девочка. Встань на след этой загадочной незнакомки и сразу всё узнаешь. Зачем гадать?

– Да, действительно, – Меламори помрачнела. – Я должна была – не то чтобы даже сообразить, а просто сразу это сделать. Как совершенно естественный и даже единственно возможный в сложившихся обстоятельствах поступок. Теряю форму. Это не дело.

Она встала из-за стола, прошлась по гостиной, пытаясь отыскать место, где стояла наша гостья. И вдруг изменилась в лице.

– Ну ничего себе!

– Но в остальном ты была совершенно права, – примирительно сказал я. – Я действительно заманил её в дом, чтобы познакомить с Базилио.

– А мне точно не следует знать, что происходит? – вдруг

спросил Трикки Лай. – Если нет, то я, конечно, постараюсь воздержаться от вопросов. Хотя, если честно, немного беспокоюсь о Базилио, который ушёл наверх с эксцентричной юной леди, чьё имя, похоже, самая страшная государственная тайна этого сезона.

Ещё бы он не беспокоился. Базилио появился на свет в результате его колдовства. Вернее, в результате совершённой спросонок роковой ошибки. И первые несколько минут счастливый создатель больше всего на свете хотел избавиться от ужасающего дела своих рук. Ну а потом, конечно, присмотрелся к Базилио получше и пропал навек. Как и все мы, взрослые занятые люди, могущественные колдуны и, страшно сказать, государственные служащие высшего ранга, с утра до вечера размышляющие, как сделать жизнь нашего подопечного чудища еще более приятной и интересной.

– Помнишь, как Базилио рыдал, когда выяснил, что не может стать человеком? – спросил я. – Ну вот, мне удалось уладить эту проблему. Потому что ничего невозможного нет – для некоторых отдельно взятых особо могущественных ведьм. А у меня врождённый талант к ним подлизываться.

Глаза у Трикки стали такие огромные, что я даже немного встревожился: а ну как сам во что-нибудь этакое превратится? От того, кто однажды уже становился призраком, чего угодно можно ожидать. С другой стороны, если уж должна стрястись такая беда, лучше действительно прямо сейчас,

пока леди Сотофа находится в доме. Не придётся второй раз за ней бегать.

Но Трикки Лай, хвала Магистрам, так и не утратил человеческий облик. А только спросил, почему-то перейдя на шёпот:

– А почему ты не говорил?

– Чтобы все не начали волноваться раньше времени. И спрашивать меня: «Когда уже, когда?!» Или потому, что люблю сюрпризы. Ну или просто забыл. Выбирай любую версию. Всё – чистая правда.

– Чего я никогда не пойму, так это как ты её уговорил, – сказал Джуффин.

– Ну так меня же сам Коба в свое время побираться учил¹, – напомнил я. – С тех пор что угодно могу выклянчить. Подайте бедному сироте, и точка!

– Мама всё-таки была права, – вздохнула Меламори. – Ты действительно совершенно неподходящая партия для леди из хорошей семьи. Даже в мимолётную связь высшего уровня необязательности с такими проходимцами лучше не вступать. Как же я низко пала, связавшись с тобой! Просто отлично получилось.

– Всегда к твоим услугам, – поклонился я.

– Хватит уже кокетничать, – неожиданно сурово сказал

¹ Об этих уроках подробно рассказывается в повести «Неуловимый Хабба Хэн».

Джуффин. — Делом займись.

— Каким ещё делом?!

— У меня партия по твоей милости не доиграна. Партнёр сбежал — вон карты валяются. Подбери и вперёд. Зачем я тебя вообще на службу возвращал?

Резонный вопрос. Ну и потом когда так нервничаешь, игра — отличный способ отвлечься. Гораздо лучше, чем изготовление недолговечных волшебных тортов, к которому попытались вернуться Меламори и Трикки. Но благоразумно остановились сразу после того, как вместо торта у Трикки получился печальный лиловый моллюск размером с парадную люстру в Королевской приёмной. Хвала Магистрам, он исчез буквально несколько секунд спустя, так и не успев нас очаровать. А то был бы мне новый домашний любимец и прилегающая к нему новая головная боль. Например, покупка гигантского аквариума и организация регулярных поставок свежей морской воды. Потом, вероятно, моллюск захотел бы превратиться в птицу и, выяснив, что это невозможно, ревел бы по ночам. А я ненавижу, когда ревут. И тут же начинаю переворачивать Мир, которому и без меня, будем честны, нелегко приходится.

Проводив в небытие горемычного моллюска, Меламори и Трикки объявили в соревнованиях технический перерыв и принялись набивать трубки, а я на нервной почве продул Джуффину целых три партии кряду. И четвёртую тоже, несомненно, продул бы, но мы не успели её начать, потому

что дверь, ведущая на лестницу, распахнулась, и перед нами предстали целых две юных девицы. Их можно было бы назвать близнецами, если бы одна не была выше другой примерно на полторы головы. И причёсана гораздо консервативней – всего шесть почти аккуратных косичек, не о чем говорить. Да и одета она была более чем прилично – в одно из моих лоохи, которое почти идеально подошло ей по росту. Ну, может, слегка коротковато. Совсем чуть-чуть.

– Учтите, это была не моя идея, – сказала та, что пониже. В смысле леди Сотофа. – Базилио сама захотела стать похожей на меня. Сколько я ни объясняла, что с таким высоченным ростом и покладистым характером гораздо удобнее выглядеть мальчишкой, она меня не слушала. Даже после того, как я превратилась в целую толпу образцовых красавчиков, на выбор, ни один облик её не прельстил. Впрочем, подобное упрямство свидетельствует, что характер не настолько покладистый, как кажется поначалу. Так что ладно, пусть будет девчонкой. Возможно, мы все как-то переживём возможные последствия. А теперь предложите мне что-нибудь выпить. Я, будете смеяться, устала.

...После такого её заявления все присутствующие имели полное право и дальше наслаждаться жизнью. В смысле изумлённо распахнув рты, пялиться на девицу, в которую превратился Базилио. А вот мне пришлось собрать волю в кулак и заняться исполнением своих хозяйских обязанностей.

С напитками в моём доме дело обстоит так: либо они уже благополучно откуда-нибудь взялись и стоят на столе, либо на столе ничего путного нет, и тогда приходится совершать чудеса. От самого простого – добыть нечто экзотическое из Щели между Мирами – до почти невозможного: отправиться в кухню и что-нибудь там найти. На последнее моего могущества хватает крайне редко. Но ради такой гостии грех не расстараться.

Поэтому я как миленький встал и бодро пошёл на край света. То есть в кухню. И не просто благополучно добрался туда в рекордное время, но и сразу вспомнил, в каком из шкафов у меня хранятся стратегические запасы редчайшего укумбийского бомборокки. И ещё обнаружил на столе почти полный кувшин отличной камры из «Обжоры Бунбы». Понятия не имею, откуда он тут взялся и, самое главное, каким образом уцелел в доме, по которому вечно скитаются пожирающие всё на своём пути толпы дорогих гостей и практически невидимых, но от этого ничуть не менее прожорливых слуг, любезно присматривающих за домом по приказу Его Величества. И в процессе присмотра азартно разоряющих мои заначки.

Впрочем, на то оно и чудо, чтобы не понимать, как оно могло случиться.

Вернувшись в гостиную, я ощущал себя величайшим героем всех времён. А мои гости бровью не повели – принёс напитки, и ладно, давай их сюда. Оставаться недооценён-

ным – удел всякого гения, я уже привык.

Леди Сотофа тем временем приняла свой обычный вид – надо понимать, для солидности, чтобы слушали внимательно. Потому что она как раз давала всем заинтересованным лицам инструкции по обращению с Базилио.

– Только не вздумайте кормить её обычно едой, – говорила она. – От того, что девочка выглядит, как человек, она не перестала быть одушевлённой иллюзией. И еда ей требуется как прежде, иллюзорная.

– Ничего, – отвечал Трикки Лай, сияющий как именинник, – я её прокормлю.

– И я помогу, – вторила ему Меламори. – Я уже неплохо натренировалась.

– Только если можно, пусть теперь еда будет маленькими кусочками, – смущённо попросила дылда с косичками. – Клонуть большой торт я ещё хоть как-то успевал...

– Не «успевал», а «успевала», – поправила её леди Сотофа. – Сама захотела быть девчонкой, теперь переучивайся.

– Да. Извините. Успевала клонуть. Но в человеческий рот большой торт точно не поместится. И как от него откусить, я совершенно не представляю. А пока разрежешь, он уже исчезнет.

– Хочешь сказать, эти юные балбесы до сих пор не научились создавать еду, способную просуществовать хотя бы четверть часа? – изумилась леди Сотофа. – Не связывайся с ними, детка, вот тебе мой совет. Учись готовить сама. Ну,

то есть, в твоём случае – колдовать. Всякий человек должен уметь себя накормить, это самый необходимый базовый навык, гарантирующий независимость от окружающих и обстоятельств. Все мои ученицы с этого начинают. А уж стоять у плиты или колдовать – каждый решает сам. Взять того же сэра Макса...

Все зачем-то посмотрели на меня. Как будто никогда прежде не видели.

– Пожрать он любит, а готовить – ни в какую, – продолжала леди Сотофа, – поэтому научился таскать еду из Щели между Мирами. И это правильный подход. Еда из иного Мира – лучшая диета для всякого колдуна. Но тебе она, к сожалению, тоже не подойдёт. Слишком уж плотная и материальная, даром что добыта неведомо откуда.

– Пока Базилио будет учиться, я могу создавать для него... для неё совсем крошечные тортики, – сказал Трикки Лай. – На один укус. Не вижу никаких препятствий.

И тут же продемонстрировал своё умение. Взмахнул рукой, пробормотал короткое заклинание, и на стол плюхнулся торт настолько огромный, что всех нас можно было в нём утопить. И ещё некоторых отсутствующих друзей позвать для компании. Чтобы не так одиноко было барахтаться в этом кремовом болоте, отчаянно воняющим рыбой, как и все произведения нашего чудо-кулинара, имитирующие Туланскую кухню, по которой он, страшно сказать, истосковался. Лично я бы на край света сбежал от таких деликатесов, но

моё мнение в данном вопросе не стоит ничего. Лишь бы Базилио, унаследовавший это причудливое гастрономическое пристрастие от своего создателя, был доволен. То есть, тьфу ты, была. Я всё-таки привык думать, что наше чудовище – мальчик. Причём только потому, что у него мужское имя. Которое, строго говоря, я же сам и придумал. Замкнутый круг!

Но теперь хочешь не хочешь, а придётся переучиваться.

Исполинский торт тем временем стоял на столе, источая рыбный аромат. Все были настолько потрясены, что даже не рассмеялись. Только носы зажали – все, кроме Базилио, которая устремила на лакомство взор, исполненный невыразимой тоски.

– Считается, что это и есть крошечный тортик? – наконец несчастным голосом спросила она.

– Просто я перепутал, – смущённо объяснил Трикки Лай. – Задумал одно, а сделал прямо противоположное. Устал наверное. И волновался. Но ты не огорчайся, следующий получится как надо!

– А этот хоть когда-нибудь исчезнет? – осторожно поинтересовался Джуффин. – Есть надежда?

– Буквально через пару секунд, – пообещал Трикки.

Торт, хвала Магистрам, оказался покладистым созданием. Не стал восставать против своего творца, а трагически вздрогнул кремовыми боками и исчез. Все вздохнули – Базилио печально, а остальные – с нескрываемым облегчени-

ем. А я пошёл открывать окна, потому что запах оказался гораздо долговечней своего источника.

Пока я возился с окнами, Базилио лопала пирожные, на этот раз действительно совсем крошечные.

– Так ты научишь меня их делать? – с набитым ртом спрашивала она. – Чтобы я сам... Чтобы сама!

– Научу, – пообещал Трикки. – У меня даже книжка про такие фокусы есть.

– Эта проблема, похоже, улажена, – резюмировал я, усаживаясь в кресло. – А других вроде бы и нет?

И вопросительно посмотрел на леди Сотофу.

– Так не бывает, – улыбнулась она. – Чтобы человек был, а проблем не было – о таком даже детских сказок не сочиняют.

И то верно.

– Но тебя, как я понимаю, интересуют в первую очередь те проблемы, которые могут стать твоими.

– Ну да, – кивнул я. – Главный вопрос: она теперь навсегда такая? Или может превратиться обратно, если нарушит какой-нибудь запрет? Ну, как в сказках обычно бывает – наденет в полнолуние красную скабу или ляжет спать головой на юг. Или с принцем каким-нибудь невовремя поцелуется. Чего только не бывает.

– Хороший вопрос. Что мне в тебе особенно нравится – ты всегда сразу схватываешь суть. Даже когда просто дурачишься.

– То есть, ей действительно нельзя целоваться с принца-

ми? – встревожился я.

– Нет, с принцами можно. А также с Королями, Королевами, мятежными Магистрами всех рангов, портовыми нищими, студентами, древними знахарками и такими же чудовищами, как она сама. Да вообще с кем угодно, лишь бы ей нравилось.

– Лучше скажите сразу, чего ей нельзя, – попросил я. – И мы немедленно вынесем это из дома. Даже если «этим» окажусь я.

– Ты?!

– Ну, вдруг у меня взгляд какой-нибудь особо тяжелый, – смущённо объяснил я. – Вредный для наваждений. У меня за годы, проведённые в Ехо, столько неожиданных свойств обнаружилось, что я бы уже ничему не удивился.

– Даже не смешно, – отмахнулась леди Сотофа. – Взгляд у него – ишь Могикла Барандакс выискался!

– Кто?

– Могикла Барандакс, – любезно повторила она. – Был во времена Короля Мёнина такой колдун. Не то чтобы особо могущественный; впрочем, на фоне Мёнина все остальные оставались недооценёнными, так уж им не повезло с эпохой. Однако достоверно известно, что взгляда Могиклы Барандакса не могло выдержать ни одно наваждение. Сразу рассеивались, и делай что хочешь. А заколдованные люди, звери и предметы сразу принимали свою изначальную форму. Поэтому при дворе Мёнина Могикла Барандакс был са-

мым полезным и востребованным колдуном. Чего бы ни наворотил молодой Король, можно быстро навести порядок. Очень удобно! Правда, в придворных хрониках Короля Мёнина говорится, что однажды в Могиклу Барандакса влюбился вызванный кем-то из Королевских приятелей огненноголовый демон и утащил его в свою вселенную, не слушая возражений. И тяжёлый взгляд бедняге не помог, поскольку демон был самый настоящий, а не какое-нибудь дурацкое наваждение. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я озадаченно покачал головой. Интересные должно быть были времена. И, пожалуй, хорошо, что они остались в прошлом. А то знаю я свою удачу, все огненноголовые демоны мои.

– Так что с нашим Базилио? – спросил я. – То есть с нашей. Чего ей нельзя делать?

– Да всё ей можно, – огорошила меня Сотофа. – С чего ты вообще взял, что должны быть какие-то запреты? Ты меня, хвала Магистрам, не первый день знаешь. И, по идее, должен был заметить, что свободу воли я ценю превыше послушания и осторожности.

– Так-то оно так, – согласился я. – Но вы сами сказали, что я попал в точку. Вернее, схватил суть проблемы...

– В некотором смысле, – улыбнулась она. – Штука в том, что Базилио сама может решать, кем ей быть – человеком или чудовищем. Вернее, как выглядеть. И знает, что для этого делать. Девочка пока не верит, что может захотеть вер-

нуть себе прежний облик, даже на пять минут. Что понятно: сейчас она счастлива, а подобное состояние не способствует дальновидности. Но это не беда, главное, что дальновидности хватило мне.

– На самом деле, пока мы шли из кабинета в гостиную, я придумала несколько ситуаций, в которых быть чудовищем действительно удобней, – смущённо сказала Базилио. – Например, когда нападают грабители. Трикки рассказывал, что это порой случается. Или если вдруг война, я читала, что и такие неприятности иногда бывают. Представляете: в порт приходят вражеские корабли, а тут я навстречу – привет, сейчас я вас съем! И враги бегут, город спасён. Или вдруг ещё кто-нибудь случайно наколдует чудовище вроде меня, и оно будет грустить, что никто с ним не дружит. Тогда тоже можно превращаться, чтобы ходить к нему в гости. Мне было бы приятно, если бы ко мне кто-нибудь такой пришёл... В общем, если что-нибудь подобное случится, я обязательно превращусь. Хотя очень не хочется. Мне так нравится быть человеком! С каждой минутой всё больше. Особенно руки. Ужасно удобно, что их целых две. Не представляю, как я до сих пор без них жил... а.

Все присутствующие умилённо заулыбались. Кроме Меламори. Та, напротив, выглядела совершенно подавленной.

– Везёт же! – наконец сказала она. – Я всю жизнь о таком мечтала.

– О чём? – изумлённым хором спросили мы с Трикки.

Мудрые старики, в смысле Джуффин с Сотофой промолчали. Но заранее придали своим лицам строгое выражение. На всякий случай, вдруг воспитывать придётся.

– Чтобы можно было превратиться во что-нибудь совершенно ужасное, – смущённо объяснила Меламори. – В любой момент, когда захочу! А потом обратно в человека, тоже когда захочу. Ух я бы тогда!..

Я смотрел на неё, натурально открыв рот. Вот так знаешь человека много лет, иногда засыпаешь в обнимку, говоришь взхлёб обо всём на свете, думаешь, что понимаешь лучше, чем себя, и тут вдруг выясняется, что все эти годы человек страстно мечтал превратиться в ужасное чудовище. А я, дурак, и не догадывался. Хотя вполне мог бы. Видел же, с каким энтузиазмом Меламори запугивала своих родственников и горемычных дежурных полицейских хубом, то есть большим арварохским пауком по имени Лелео, подарком её тогдашнего ухажёра. Больше всех я, впрочем, жалел самого Лелео: характер у него был робкий и деликатный, невзирая на устрашающую внешность. И от воплей очередной жертвы арварохский паук надолго терял аппетит. Меламори только это и останавливало, а то бы полгорода до сих пор от заикания у знахарей лечилось, знаю я её.

И кстати, примерно догадываюсь, какие планы Меламори строила в связи с появлением Базилио. По крайней мере, шансов избежать знакомства с сэром Кимой и леди Атиссой Блимм у него практически не было. Вернее, у неё. Впрочем,

в данном случае уж точно никакой разницы.

Но теперь-то наверное обойдётся.

– Ты настолько любишь пугать людей? – спросил я. – В голову не приходило, что для тебя это так важно. Прости. Я бы помог, если бы знал. Хотя я-то как раз ужасно не люблю никого пугать.

– Спасибо, – вздохнула Меламори. – Ты настоящий друг. Но ты и так помог, даже не представляешь насколько! По крайней мере, с родителями. Я же не пугать люблю, а шокировать. И в этом смысле ты оказался козырной картой. Но учти, это я уже потом, задним числом сообразила. То есть изначально мои намерения были совершенно бескорыстны.

– Да ладно, – отмахнулся я. – Даже если бы и корыстны, я не против. В итоге-то всё отлично получилось.

– Но зачем тебе это? В смысле зачем кого-то шокировать? – спросил Трикки Лай.

А Базилио ни о чем не спросила. Но смотрела на Меламори во все глаза, словно впервые увидела.

– Просто люди от этого становятся настоящими, – объяснила Меламори. – Все маски сразу долой. Сразу понимаешь, кто чего стоит.

– Ну, положим, для того, чтобы понять, кто чего стоит, совершенно не обязательно превращаться в чудовище, – наконец высказался Джуффин. – Я же как-то справляюсь.

– Конечно не обязательно превращаться в чудовище, когда ты и так – оно, – вставила леди Сотофа. – Но не всем

настолько везёт.

На Базилио уже жалко было смотреть, так она растерялась, слушая нашу болтовню. Неудивительно: пока она выглядела как чёрт знает что, мы вели себя в её присутствии гораздо сдержанней и языкам воли не давали. Помнили, что рядом неразумное дитя. А теперь вдруг решили, будто она – такая же, как мы. Взрослая человеческая барышня, которой не привыкать к зубоскальству других взрослых людей. Хотя, строго говоря, в этом смысле ничего не изменилось, Базилио по-прежнему очень мало знала о Мире и каждом из нас. И разбиралась в наших делах не лучше, чем любой ребёнок-дошкольник. Но мы вдруг перестали это учитывать.

Всё-таки внешность собеседника имеет удивительную власть даже над самыми мудрыми из нас.

– Хотите честно? – улыбнулась Меламори. – На самом деле все эти разговоры про слетающие маски – только разговоры. Чтобы все присутствующие раз и навсегда уяснили, какая я сложная натура. А на самом деле мне просто хочется научиться превращаться во что попало. В этом мне видится такая свобода! От самой себя и от чужих представлений обо мне. И от связанных со мной ожиданий. Одним людям кажется, будто я симпатичная юная леди из хорошей семьи, другие знают, что я – лучший Мастер Преследования в Соединённом Королевстве. Несколько человек в курсе, что я ученица Арварохских буривухов и более-менее неплохая сновидица – когда по-настоящему припечёт. Некоторые

близкие знают, что я могу быть очень хорошим другом в плохие времена, причём чем хуже идут дела, тем больше от меня толку. И так далее. Всё это правда обо мне, кто бы спорил. Но явно не вся. Иногда мне кажется, что, превратившись во что-нибудь совершенно немыслимое и непохожее на человека, я узнаю о себе недостающую правду. Познакомлюсь с той частью себя, которую пока не знаю. Или хотя бы удостоверюсь, что она действительно есть. Потому что, если, кроме той меня, с которой я уже знакома, ничего нет, всё пропало! Этого просто недостаточно. Я не знаю для чего именно. Но недостаточно, и точка.

– Да, это действительно веская причина, – согласилась леди Сотофа. И задумчиво добавила: – Надо же, какие разнообразные формы принимает естественная человеческая потребность знать о своём бессмертии! Никогда не устану этому удивляться.

– Именно о бессмертии? – удивлённо переспросила Меламори.

– Конечно. Рано или поздно ты и сама поняла бы, что именно тебя грызёт. Просто до сих пор ни с кем об этом не говорила, вот и не успела сформулировать. Это понятно. Непонятно другое: если тебе так важно уметь превращаться, почему ты до сих пор не попробовала? Научиться изменять свой облик – не самая невыполнимая задача. А тебе это даже проще, чем другим. Обратней среди твоих предков было предостаточно. И становиться птицей в сновидении ты, на-

сколько мне известно, давным-давно научилась. Вообще не вижу проблемы освоить этот фокус ещё и наяву.

Меламори выглядела совершенно потрясённой.

– Я не знаю, почему я не попробовала, – наконец сказала она. – Как-то в голову не пришло. Просто сперва я вообще не особо интересовалась магией. Думала, даже хорошо, что её запретили законом, у меня-то явно никаких особых способностей. В Эпоху Орденов было бы очень обидно родиться такой недотёпой, а сейчас – ладно, обойдусь. Потом на меня свалился присутствующий здесь сэр Джуффин и заявил, что я прирождённый Мастер Преследования. Я очень обрадовалась и начала учиться. Света белого не видела, ни на что не отвлекалась. Твёрдо решила преуспеть, если уж нашёлся у меня хоть один талант. Потом вроде более-менее выучилась, начала понемногу смотреть по сторонам. И тут – трах, бах! Арварох со всеми вытекающими последствиями. В смысле с буривами. Начала учиться у них. Не доучилась, о чём, наверное, всю жизнь буду жалеть. Но тут уж ничего не поделаешь, так сложилось. Неважно. Это я к тому, что всё время была занята разными другими вещами и просто не успела сообразить, что оборотничеству тоже можно выучиться, как любому другому делу.

– А теперь я тебе подсказала, – улыбнулась леди Сотофа. – Видишь, как всё удачно складывается.

– То есть, в ближайшее время в этом доме снова будет обитать одно чудовище и всего одна красавица, – резюмиро-

вал я. – Оно даже и неплохо. Не люблю резких перемен.

– Ты забыл, что Базилио в любой момент может принять прежний облик, – напомнила Меламори. – К тому времени, как я чему-нибудь научусь, ей как раз надоест быть каким-то дурацким человеком. Так что в доме будет сразу два чудовища. И никаких красавиц, хватит с тебя.

– Мне не надоест быть человеком, – возразила свежееиспечённая красавица. – Одни руки чего стоят. И рот гораздо удобней клюва. И в кресле теперь можно сидеть, хвост не мешает. И главное, больше никто не станет думать, будто я его сейчас сожру. Между прочим, когда ты не можешь съесть не то что целого сырого человека, но даже маленький кусочек обычного, ненаколдованного пирога, подобные подозрения особенно обидны.

– Наколдованные пироги гораздо вкусней сырых людей, – неожиданно вмешался молчавший до сих пор Джуффин. – В этом смысле ты ничего не потеряла, верь мне.

– Он в этом вопросе великий эксперт, – подтвердила леди Сотофа.

– Вы глотали людей сырыми? – изумилась Базилио.

– Ну почему же сразу «глотал»? Я их очень тщательно прожёвывал.

Базилио выглядела совершенно обескураженной. Пришлось вмешаться.

– Это они так шутят, – сказал я ей. – Привыкай. Теперь ещё и не того слушаешься. Когда становишься человеком,

с тобой сразу перестают церемониться и начинают зубоскалить, тут ничего не поделаешь. По себе знаю: никогда в жизни со мной не обходились так деликатно, как в ту пору, когда я превратился в чудовище...

Присутствующие почему-то дружно заржали. Все, кроме Трикки Лая, который уставился на меня с недоверчивым интересом. Видимо эту байку ему ещё не успели рассказать.

– А вы что, превращались в чудовище? – растерянno спросила Базилио. – А зачем? Или это тоже шутка? Все смеются, а я не понимаю. Похоже, из меня получился очень глупый человек.

– Не глупый, просто неопытный, – улыбнулся я. – Со временем это проходит, причём навсегда, поэтому наслаждайся свежестью восприятия, пока можешь. А в чудовище я действительно превращался. Честное слово! Но ненадолго и по работе. Не о чем говорить².

– Ладно, – вздохнула она. – Хорошо, что это была не шутка, а то я ума не приложу, в чём тут соль. Никогда не пойму, почему считается, будто решать головоломки сложно, а пить камру и болтать с друзьями просто и приятно. По-моему, всё наоборот.

– Тем не менее, как минимум одна вечеринка с друзьями совершенно неизбежна, – заметил я. – Все, кто успел с тобой познакомиться, непременно захотят отпраздновать твоё

² Говорить, может, и не о чем, однако этой истории посвящена целая повесть «Болтливый мертвец».

счастливое превращение. Подозреваю, завтра же. Поэтому готовься. Зато потом можешь с чистой совестью объявить, что ты у нас затворник и мизантроп. В смысле затворница и мизантропка. Мы смиримся – у всех свои причуды. И любить друг друга приходится вместе с ними.

– Пора и мне обратно в затворницы, – неожиданно сказала леди Сотофа. – Засиделась я тут с вами, как будто других дел нет. Проводи меня, сэр Макс. Желаю насладиться проявлением твоей галантности.

– Что, вот прям пешком через город пойдешь? – восхитился Джуффин. – Не Тёмным Путём, а своими ногами?

– Именно, – подтвердила она. – Иногда хочется просто прогуляться по улицам. А то я уже забывать начала, как выглядит Ехо. Давеча увидела на картинке, подумала: «Какой красивый город, интересно, где такой?» Потом, конечно, опомнилась. Но всё равно это не дело.

Что бы там ни говорила леди Сотофа, а я был уверен, что она просто хочет побеседовать со мной без свидетелей. О том, как следует обращаться с Базилио. Или наоборот, как не следует. Есть же наверное какие-то совсем простые вещи, до которых я сам и за сто лет не додумаюсь, это любому ясно.

Но первые несколько минут мы шли молча. Леди Сотофа, похоже, и правда, давненько не выбиралась на прогулку и теперь с неподдельным интересом глазела по сторонам, как это обычно делаю я. То есть как заправский турист.

Наконец я не выдержал и спросил сам:

– Вы хотели поговорить со мной про Базилио?

– Да чего теперь о ней говорить, – отмахнулась Сотофа. – Дело сделано, пусть живёт и радуется.

– То есть вы мне вообще ничего не посоветуете? – ужаснулся я.

– Зачем тебе какие-то советы? Судя по отзывам Хейлах и Хелви, ты – прирождённый опекун юных леди. Разговариваешь с ними на равных, покупаешь платья и пирожные, не обращаешь никакого внимания на нежные чувства, зато всегда принимаешь их сторону, каких бы глупостей ни натворили. Мне бы в соответствующем возрасте такого доброго дядюшку! Да и нынче вечером ты сразу взял верный тон. Вот и продолжай в том же духе. Обращайся с девочкой так, словно ничего не произошло.

– Как будто она по-прежнему трогательное ужасное чудовище, которому постоянно требуется защита и утешение?

– Именно. Такого отношения ей будет не хватать, особенно поначалу. Потом, конечно, привыкнет жить по-новому, войдёт во вкус и пошлёт тебя подальше. Тогда ты сможешь вздохнуть с облегчением и тут же завести себе нового домашнего питомца, просто чтобы не терять форму.

– Думаете, правда пошлёт? – восхитился я.

– Конечно. Все юные леди делают это. В смысле рано или поздно посылают подальше своих заботливых опекунов. Обязательный этап становления, без него – никуда.

– Хотел бы я дожить до этого прекрасного дня.

– Всё в твоих руках. Уверена, у тебя вполне хватит могущества, чтобы дожить до любого выбранного с этой целью момента.

– Ужасно интересно, что из неё в итоге получится, – вздохнул я.

– Мне тоже интересно – будет. Когда-нибудь потом. Например, через полчаса, после того как я вернусь в резиденцию. А сейчас я хочу просто идти с тобой по ночному городу, не отвлекаясь на размышления о юных девицах. Ты – отличный компаньон для прогулок, сэр Макс. Особенно для человека, умеющего смотреть на мир чужими глазами. Твоими – смотрела бы и смотрела. У тебя глаза влюблённого, а это большая редкость.

– То есть вы только поэтому позвали меня пройтись? А не ради какого-нибудь секретного разговора? С ума сойти. Думал, так не бывает.

– Ну, будем честны, примерно на середине пути я планировала вежливо спросить, как у тебя дела. Но можно и прямо сейчас, чего тянуть.

– Ну как, – растерялся я. – По-разному. Смотря какие дела. В глобальном смысле, наверное, прекрасно. А в деталях всего вот так сразу и не расскажешь. Просто непонятно, с чего начинать. При этом самое важное обычно вообще невозможно рассказать словами, а самым важным мне сейчас кажется всё, включая погоду, которая этой осенью как-то уди-

вительно удалась.

– Хороший подход, – улыбнулась леди Сотофа. – Однако ты переоценил масштабы моих требований к болтовне на ходу. Я хотела всего лишь расспросить тебя о работе. А погоду и прочее неизъяснимое можешь пока оставить при себе. О важных вещах я предпочитаю разговаривать сидя. Они требуют сосредоточенности, граничащей с самоотверженностью.

– О работе? Надо же, а мне и рассказать-то вам толком нечего. Потому что именно на работе ничего интересного со мной не происходит. Ну, то есть, как – на самом деле и это тоже интересно. Но, боюсь, только мне самому. Я сейчас целыми днями брожу по городу, по большей части, в компании Нумминориха Куты. Я разглядываю людей, которым мы снимся, а он их нюхает – просто чтобы не терять форму. Отлично проводим время. Сновидцы, надеюсь, тоже неплохо развлекаются. Выглядят, по крайней мере, вполне довольными. Если и есть среди них кто-нибудь уснувший навсегда и нуждающийся в срочном спасении, он себя никак не проявляет. Сэр Кофа обещал рассказывать мне обо всех мало-мальски необычных происшествиях, но пока молчит. И моё сердце молчит вместе с ним. А ведь оно – знатный паникёр.

– Хвала Магистрам, если так. У тебя, я знаю, хорошее чутьё. И если тебя действительно ничего не беспокоит, тем лучше для всех нас.

– На самом деле, кое-что беспокоит, – честно сказал я. – Уже целых полдня. Только это совсем пустяковая глупость. И вряд ли имеет хоть какое-то отношение к моей работе. Да и к прочей жизни тоже. Просто я впечатлительный. И местами совсем дурак. Но вы и сами в курсе, поэтому не очень стыдно признаваться.

– Вот как знала, всё-таки что-то у тебя стряслось, – удовлетворённо улыбнулась леди Сотофа. – Выкладывай.

– «Стряслось» – это громко сказано. Просто сегодня Нуминорих потащил меня в Новый Город поглядеть на тётку, которая насылает на людей Пророческие сны. Отличная, кстати, оказалась. Очень мне понравилась, в отличие от сна, который...

– Погоди-ка. Пророческие сны? А как она выглядела? Толстая, смуглая? И одета, как пугало?

– Одета, скажем так, интересно и чрезвычайно разнообразно, – сдержанно согласился я. – И худой и бледной её, при всём желании, действительно не назовёшь. Зато какие же у неё глазищи! Жёлтые, как у буривухов. Один тёмный, другой светлый. В жизни ничего подобного не видел. Даже в зеркале, а ведь чего я там только ни насмотрелся за эти годы...

– Ну надо же, точно Хайста, – обрадовалась леди Сотофа. – Грешные Магистры, Хайста Лёк вернулась в Ехо! И, похоже, всю тут развлекается, умничка моя. А в гости не зашла, гордячка. Даже зов не прислала. Ждёт, пока я сама о ней узнаю и позову. Как будто только и дел у меня, что ло-

вить по всему городу старых подружек!

– То есть она ваша подружка? Ну, знаете, тогда, может быть, у меня действительно «стряслось». В смысле всё гораздо серьёзней, чем я думал.

– Хайста наслала на тебя Пророческий сон, и он тебе не понравился? Да уж, и правда не позавидуешь. Хайста своё дело знает, на шарлатанстве её до сих пор никто никогда не ловил. В своё время по городу ходили слухи, будто Хонна, Великий Магистр Ордена Потаённой Травы распустил Орден и сам умотал на край Мира именно в результате Пророческого сна, подаренного ему Хайстой ко Дню Середины Года. Уверена, что это враньё, не такой характер у Хонны, чтобы повиноваться пророчествам. Скорее уж попытался бы сделать наперекор. Но о репутации Хайсты Лёк эта сплетня даёт наглядное представление.

– Ничего себе, – удручённо вздохнул я. – А мне по её милости кошмар приснился. Не то чтобы по-настоящему страшный, скорее просто дикий и бессмысленный. Но всё равно не сахар.

– Расскажи, – потребовала леди Сотофа.

И я пересказал ей давешний сон, стараясь не упустить ни единой детали.

– Надо же, какая неприятная ерунда тебе предстоит, – посочувствовала она. – Ладно, главное, что сам остался жив, город уцелел, и Мир не рухнул. Всё остальное – дело поправимое.

– У Нумминориха возникла прекрасная, всё объясняющая идея: на самом деле мне просто скоро приснится страшный сон, – сказал я. – И пророчество было именно об этом, так уж мне повезло.

– Страшный Пророческий сон о будущем страшном сне? – рассмеялась Сотофа. – Остроумное решение. Никогда не слышала о подобных вещах, но чего только не бывает. Особенно с тобой. Ладно, поживём – увидим. Хайстины sny ещё и тем хороши, что обычно сбываются довольно быстро. По крайней мере, не тысячу лет спустя, когда о пророчестве все давным-давно забыли.

– А бывают и такие пророчества?

– Чаще всего именно такие и бывают. Сотни пророков в своё время прослыли городскими сумасшедшими, поскольку вечно толковали о никому неизвестных королях и войнах с несуществующими государствами, сулили разрушение ещё не построенных крепостей и скорое рождение героев, способных избавить Мир от никогда не случавшихся бед. А потом, спустя века, их предсказания сбывались с пугающей точностью. И потомкам насмешников приходилось приносить извинения на страницах исторических хроник, лично-то уже не с кем было разговаривать.

Воцарилось умиротворённое молчание. Но я был бы не я, если бы не нарушил его буквально минуту спустя.

– Слушайте, а можно бестактный вопрос?

– Грешные Магистры, ты и это умеешь?

– О, в этом деле я настоящий мастер. Был бы у нас Орден Бестактных Вопросов, меня бы немедленно назначили его Великим Магистром. Но и в качестве кустика-одиночки я вполне ничего.

– Ты меня заинтриговал. Что за вопрос-то?

– Про леди Хайсту. Кто она? Откуда такая взялась? Почему я раньше ничего о ней не слышал? Если всё это страшная тайна, тогда, конечно, ладно, переживу. Мне не для дела надо. Просто ужасно интересно, кем надо быть, чтобы стать вашей подружкой.

– Тоже мне бестактный вопрос. Нормальное человеческое любопытство, и ничего больше. Причём до ответа ты вполне мог бы додуматься сам. Подавляющее большинство моих подружек – могущественные ведьмы, которых я в своё время хотела переманить к себе, да не вышло. Но это не повод отказываться от дружбы, которая обычно зарождается в процессе долгих безуспешных переговоров. Хайста, впрочем, немного иной случай. К моменту нашего знакомства она как раз вышла из Ордена Потаённой Травы, в котором состояла без малого триста лет. Причём, чтобы утешить потрясённого её решением Великого Магистра Хонну, добровольно принесла ему клятву никогда, ни при каких обстоятельствах не вступать в другие Ордена. Поэтому с Хайстой я подружилась совершенно бескорыстно. Просто по велению сердца. Она очень славная.

– А почему она ушла из Ордена? Чего не поделила со сво-

им Великим Магистром?

– Да сущие пустяки. Всего лишь войну и мир. По остальным вопросам у них всегда было полное согласие.

– Как можно не поделить войну и мир?!

– Ну как. Просто они не сошлись во взглядах на этот вопрос. Вообще-то Великий Магистр Хонна никогда не отличался особой воинственностью, поскольку боевая магия, по его собственному признанию, нагоняла на него скуку и сонливость. Однако на заре Смутных Времён, когда отношения между магическими Орденами стали стремительно портиться, Хонна объявил во всеуслышание: «Если вам кажется, будто вы – наш враг, считайте, что вас уже нет». Весьма достойная, на мой взгляд, позиция, и все адепты Ордена Потаённой Травы были чрезвычайно последовательны в её осуществлении. Они не нападали первыми и не провоцировали других, зато никогда не давали в обиду своих, включая дальнюю родню Орденской наёмной прислуги. И защищались столь виртуозно, что немногие уцелевшие противники до сих пор время от времени вскрикивают во сне. И заикаются наяву.

– А вашей подружке казалось, что этого мало?

– Ну что ты. Напротив. Хайста считала, что маги вообще не должны воевать друг с другом. Ни при каких обстоятельствах, ни на каких условиях. Она заявила, что если магия привела к войне, значит это фуфловая магия. И лично она больше не станет этим заниматься, хоть убей. Вышла из

Ордена и подалась в уличные гадалки. Говорила, по крайней мере, такие фокусы даже до драки редко доводят, значит можно считать их вполне достойным занятием. Удивительно, правда?

– Честно говоря, удивительно не это. А то, что она одна такая была.

– Ну почему же одна? Вон Маба Калох свой Орден Часов Попятного Времени ещё в самом начале Смутных Времён распустил, причём со сходными аргументами. Да и сам Магистр Хонна последовал примеру Хайсты, просто гораздо позже. И ушёл не в уличные фокусники, а сразу на край Мира, где никакой Очевидной магии вообще быть не может.

– Ну да, – усмехнулся я. – Чего мелочиться. И весь Орден в полном составе, как мне рассказывали, рванул за ним?

– Не совсем в полном составе, но вроде того. Удивительный всё же это был Орден! Его adeпты любили своего Великого Магистра совершенно по-детски, как старшего мальчишку, который зачем-то с ними возится и всё время придумывает интересные игры. Почти невозможная для взрослого человека любовь, лёгкая и радостная, не причиняющая страданий, даже когда её объект исчезает неведомо куда. Потому что разлука – это просто ещё одна новая игра. «Отыщи своего Великого Магистра и получи приз». Очень им всем друг с другом повезло, вот что я тебе скажу. Адептов Ордена Потаённой Травы всегда можно было вычислить среди прохожих, как бы они ни маскировались – по безмятежным ли-

цам и сияющим глазам. И Смутные Времена в этом смысле ничего не изменили, вот что самое поразительное. Радость от них не ушла.

– Чем больше узнаю про Смутные Времена, тем чаще задаюсь вопросом, что бы в ту пору делал я сам, – признался я. – Наверное тоже сбежал бы на край Мира, а то и дальше. Терпеть не могу воевать. Пару часов ещё как-то могу потерпеть такую беспросветную глупость. Ну ладно, несколько суток, если очень надо. Но потом – всё, привет. Я пошёл.

– Это тебе только кажется, – улыбнулась леди Сотофа. – Таким как мы с тобой никогда не удаётся вовремя сбежать от неприятностей. Потому что пока мы спешно собираем котомку и натягиваем сапоги, нам на голову успевают свалиться какая-нибудь бедная сиротка, которую в такие тяжёлые времена надо немедленно взять под опеку. А у той сиротки внезапно обнаруживается сорок штук рыдающих братьев и сестёр, индюшиная ферма в пригороде, и ещё простуженный дракон в подвале кашляет, его каждые два часа микстурой надо поить, чтобы не помер. И дыры в заборе заделать. И накормить всю ораву; чем именно – отдельный вопрос. Уложить их спать и стоять всю ночь у ворот с обнажённым мечом – а ну как злые люди придут обижать наших подопечных? В общем, к тому моменту, как нам удаётся вспомнить о собственных планах, выясняется, что уже прошло сколько-то лет или даже столетий, война благополучно закончена, и нам выносят официальную благодарность за неоцени-

мый вклад в победу, каким-то образом сделанный в перерывах между исполнением колыбельной для банды обнаглевших сирот и попытками подоить соседскую козу для их пропитания. В этом смысле ты совершенно такой же конченный человек, как я, все бедные сиротки наши. И ведь не то чтобы нам с тобой так уж хотелось кого-то опекать. Просто так всегда складывается, и ничего не попишешь. Каждому даётся ноша по силам – так говорят. Хотела бы я однажды узнать, кто стоит на раздаче. И надрать ему уши, чтобы неповадно было.

– А в вашем случае «бедной сироткой» был Великий Магистр Нуфлин Мони Мах? – спросил я.

– Ну да. Он и еще пара дюжин примерно таких же трогательных невинных созданий. Трудней всего было уследить, чтобы они не поубивали друг друга, пока я пью камру со злейшими врагами своего Ордена. В смысле со своими приятелями и подружками. Потому что война войной и долг долгом, а без дружбы всё-таки не жизнь.

– Надо же, – улыбнулся я. – Никогда не думал, что для вас это тоже важно.

– Почему это? – изумилась леди Сотофа.

– Потому что вы...

Я замялся, понимая, что в подобной ситуации любые слова прозвучат глупо; впрочем, тем лучше, значит можно не стараться их подбирать. И решительно выпалил:

– Потому что вы – такое могущественное существо, что

вас и человеком-то считать трудно.

– Тебя тоже непросто, – невозмутимо заметила она. – И что это меняет?

Крыть было нечем.

– Нет тут никакого противоречия, – сказала леди Сотофа. – Если по мере возрастания личного могущества в тебе становится меньше любви, значит это какое-то не то могущество. И лучше бы это дело немедленно прекращать. В этом смысле моя подружка Хайста была отчасти права, демонстративно отказавшись от магии, которая привела людей к желанию воевать; другое дело, что проблема тут не столько в магии, сколько в самих людях. И в воспитании, которое они получили. Мои ученицы колдовали побольше прочих, а желания убивать всех подряд ни у кого из них так и не возникло, это факт. Причём уже исторический... Спасибо тебе, сэр Макс.

– За что? – удивился я.

– За содержательный разговор, в который по твоей вине превратилась наша досужая болтовня. И за хорошую новость про Хайсту, я рада, что она снова в городе, да ещё и при деле. И за то, что проводил. Мы уже пришли к Иафаху, ты не заметил?

Конечно, не заметил. В чём я действительно безупречен, так это в болтовне. Выкладываюсь полностью, всё остальное для меня перестаёт существовать. Захваченного разговором, меня, наверное, даже убить можно, я этого просто не замечу

и останусь жив, как ни в чём не бывало. Без всякого вреда для увлечённого беседой организма.

– Жалко, что так быстро, – честно сказал я. – Я только ра...

Но договорить мне не дали.

– Это ваша добыча? Или мне подарок приволокли? – спросил голос из темноты.

Очень знакомый голос. В отличие от внешности его обладателя, которая произвела на меня совершенно неизгладимое впечатление. Всклокоченные смоляные кудри, буйная борода и латаное-перелатанное лоохи с капюшоном на шимарский манер – это ладно бы. Все мы взрослые люди и знаем азы искусства маскировки. Но роскошные кустистые брови совершенно потрясли моё воображение. Из каждой такой брови можно было бы изготовить парик, вполне способный прикрыть средних размеров лысину. Но в столице Соединённого Королевства лысые, недовольные своей участью, бегут за помощью к знахарям, а не к постижёрам. Поэтому брови остались невостребованными. Какая жалость.

– Конечно, это моя добыча, – усмехнулась леди Сотофа. – Но я нынче добрая, могу поделиться.

– Эй, – сказал я, – что-то вы разошлись, господа злые колдуны. Не зря о вас страшные вещи уже которое столетие рассказывают. А как же свобода воли? Вдруг я не хочу быть добычей?

– Не хотел бы – давным-давно удрал бы от нас на край Вселенной, – хладнокровно заметил обладатель чудовищных бровей, Великий Магистр Ордена Семилистника и, по роковому стечению обстоятельств, мой друг Шурф Лонли-Локли.

– Впрочем, это тебя не спасло бы, – добавил он. – Догонять беглецов – моя бывшая профессия. В которой, как ты знаешь, я вполне преуспел.

– Ладно, – вздохнул я. – Придётся сразу сдаться, раз так. Сожрёшь меня на ужин? Дело хозяйское, но учти: на ночь много есть вредно.

– Где ж там «много»? – спросил мой друг, снисходительно оглядывая меня с ног до головы. – Но, к счастью, я не голоден. Ты мне нужен совсем по другому делу.

– Именно по делу? – восхитился я.

– Рано радуешься, Мир спасти не надо. И губить его тоже пока рановато. Просто я собираюсь показать тебе одну штуку. И даже думать не хочу, когда у меня в следующий раз найдётся пара свободных часов. Потому что правильный ответ на этот вопрос разобьёт мне сердце.

– У тебя и сейчас никаких свободных часов, по идее, не должно быть, – вставила леди Сотофа. – Лучше сразу признавайся, что именно ты намерен переложить на мои плечи. И я тебя прямо здесь прокляну навек, чего откладывать.

– Вы не поверите, но ничего. Просто мой секретарь наконец-то выучился правильно оформлять документы. Для че-

ловека вроде него это грандиозное достижение. А для меня – как минимум дополнительный час жизни ежедневно. Чувствую себя богачом.

– Невероятно, – вздохнула леди Сотофа. – Хами Нах и документы – даже вообразить не могу! Ты сделал невозможное, мальчик. Причём вместо того, чтобы просто сменить секретаря, как я советовала с самого начала. Никогда тебя не пойму.

– Сами знаете, в моей нынешней жизни не так уж много поводов совершать невозможное. Оно просто не вмещается в ежедневное расписание текущих дел. В таких обстоятельствах и безграмотный секретарь судьбоносным вызовом покажется.

– Тоже верно, – подумав, согласилась леди Сотофа. – Я-то, когда устаю от рутины, обычно иду на Мост Времени. Не ради какого-то дела, а просто немного там постоять. Ничего более невозможного я пока изобрести не могу. С удовольствием воспользовалась бы твоим способом, но ни одного мало-мальски бестолкового секретаря у меня нет. Девочки всё-таки очень быстро обучаются.

– Если проблема только в этом, могу одолжить вам хоть дюжину.

– Спасибо, но, пожалуй, не стоит, – улыбнулась она. – Мне и так непросто живётся. И возвращаться к этой непростой жизни надо прямо сейчас. Хорошей ночи, мальчики.

С этими словами леди Сотофа вспыхнула, как костёр, и

сторела буквально за несколько секунд. Ещё несколько лет назад подобные фокусы действовали мне на нервы, а теперь я только завистливо вздыхаю и думаю, что пора бы уже научиться столь же эффектно покидать место действия. Благо именно сейчас я далеко не самый занятой человек в Ехо, будем честны.

– А ты так умеешь? – на всякий случай спросил я Шурфа.

– Да, – равнодушно кивнул он. – И не только так. Проваливаться под землю, утекать ручьём, рассыпаться пылью, превращаться в толпу разбегающихся в разные стороны детишек и еще несколько дюжин способов внезапно уйти, не раскланиваясь. В моей нынешней должности умение произвести ошеломляющее впечатление на непосвящённых чрезвычайно важно. Хотя я, ты знаешь, терпеть этого не могу.

– В устах человека, который совершенно добровольно выходит на улицу с такими кудрями и бровищами, звучит не очень правдоподобно.

– Это самая обычная предосторожность. Оставаться неузнанным в моём положении крайне важно. И чем более нелепа выбранная внешность, тем меньше вероятность, что меня узнают. Всё-таки у меня репутация очень серьёзного человека.

– И в последнее время я перестаю понимать, как ты ухитрился её заработать, – проворчал я.

– Спасибо, если не шутишь. Это очень высокая оценка моих усилий.

– По отращиванию бровей? – ухмыльнулся я.

И тут же прикусил язык, обругав себя последними словами. Человек о важных вещах говорит, а я – какую-то бессмысленную ерунду в ответ.

Но Шурф и бровью своей ужасной не повёл. Только плечами пожал – дескать, что с тебя взять. Сказал:

– Ты бы кстати тоже что-нибудь с лицом сделал. Такой спутник, как ты, сведёт на нет любую маскировку. Тебя же весь город знает. И увлечённо следит за твоими хаотическими передвижениями по столице, наивно предполагая, будто за ними стоит некий непостижимый тайный смысл. В «Суете Ехо» даже собирались сделать специальную рубрику «Похождения сэра Макса». И ежедневно писать там, кто где и с кем тебя нынче видел. С красочными иллюстрациями для привлечения внимания. Но я им запретил. Хвала Магистрам, что мы в своё время решили не спешить с полной отменой цензуры. Хотя в тот момент я даже не предполагал, что однажды она понадобится для спасения твоего рассудка.

– И нескольких десятков журналистских жизней заодно, – мрачно добавил я.

– Это меня беспокоит несколько меньше, – отмахнулся он. Критически оглядел мою наскоро изменённую рожу, удовлетворённо кивнул, сказал: – Пошли.

И исчез.

Я совершенно растерялся. И только несколько секунд спустя до меня дошло: друг мой просто отправился к месту на-

значения Тёмным Путём, в полной уверенности, что у меня хватит ума сделать то же самое, встав на его след. Благо этот способ для меня самый простой. Я с него когда-то начинал учиться.

Куда я в итоге попал, я так и не понял. Шурф ждал меня, прислонившись спиной к стене невысокого одноэтажного дома, похоже нежилого. Фонарей здесь не было, тротуаров, кажется, тоже. Зато росли невысокие деревья с густыми кронами, не по-осеннему свежая трава достигала колен, а где-то невдалеке шумела река.

– Надо же, сообразил, – похвалил он меня.

– Не так быстро, как следовало бы. Потому что думал, мы сейчас просто куда-нибудь пойдём. В смысле ногами, как нормальные люди.

– Обычное дело, – согласился он. – Когда события не совпадают с нашими ожиданиями, мы теряемся. Поэтому ожиданий лучше не иметь вовсе, а просто быть готовым к любому повороту.

– Теоретически я это и сам знаю. А на практике всё равно всегда заранее прикидываю, что сейчас будет. Обычно, кстати, угадываю. Но когда получается не по-моему, это здорово выбивает из колеи.

– Да, у тебя теория часто удивительным образом расходится с практикой. Что вообще-то довольно странно. Понимание ценно не само по себе, а только как руководство к дей-

ствию.

– Теоретически я знаю и это. Но почему-то пока не очень помогает. Лучше скажи, где мы. И что за штуку ты хотел мне показать? Единственный квартал в Ехо, где нет фонарей?

– Ну, кстати, далеко не единственный. Таких довольно много – и на Левом берегу, и здесь.

До меня начало доходить.

– Мы сейчас где-то на полпути к Новому Городу? Я очень плохо знаю этот район. Хотя раньше часто тут гулял. Но всё равно так и не освоился.

– То же самое говорят многие старожилы, – утешил меня Шурф. – Даже на самой подробной карте города нет доброй половины здешних переулков. И это тот редкий случай, когда я вынужден простить специалистам столь вопиющую небрежность. Такой уж это район. Впрочем, теперь он входит в моду, а значит, вскоре изменится до неузнаваемости.

– Мне как раз сегодня рассказали, что Мелифаро собрался куда-то сюда переехать, – вспомнил я. – Кажется, на Удивительную улицу. Есть тут такая?

– А кто её знает, – беспечно ответил мой друг. – Но если сэр Мелифаро собрался туда переехать, значит есть. Он, при всём моём уважении, пока недостаточно опытный колдун, чтобы поселиться на несуществующей улице.

На этом месте Шурф внезапно схватил меня за шиворот и в охапку одновременно и крутанулся на пятке против часовой стрелки, волоча меня за собой и сердито бормоча под

нос какие-то неизвестные мне ругательства.

Впрочем, практически все старинные угуландские заклинания примерно так и звучат.

Я совершенно опешил от этой его выходки. Даже браниться не стал, только спросил:

– Ты чего?

– Обычная предосторожность. Теперь нас никто не увидит. Услышать, правда, могут. Поэтому особо не ори.

– А я тебя вижу.

– Я тебя тоже – потому, что мы находимся под воздействием одного заклинания. Если бы я заколдовал нас в два приёма, были бы невидимками и друг для друга. Очень удобно, что можно выбирать.

– Как будто мы вдвоём закутались в Кофин укумбийский плащ?

– Примерно. Я давно искал что-то подобное. Невозможно одалживать плащ всякий раз, когда необходимо стать незаметным. И вот, хвала нашей Орденской библиотеке, я решил эту проблему раз и навсегда. Обычно одного заклинания хватает чуть больше, чем на полчаса. Нам как раз достаточно.

– Ого! – восхитился я. Научишь?

– Научу, если ты не забудешь повторить свою просьбу в тот момент, когда нам обоим будет больше нечем заняться.

– Это очень деликатный отказ.

– Да ладно тебе. Ещё и не такие чудеса порой случаются.

Пошли.

– Куда?

– Увидишь, когда придём. В городских документах цель нашей экспедиции значится как Скандальный переулок. Тебе это о чём-то говорит?

– Только о том, что я уже так заинтригован, что ещё немного, и заплачу от любопытства.

– Вот и хорошо, – кивнул Шурф. – Я совсем не мастер интриги, ты знаешь. Но решил, что надо учиться и этому.

– Зачем?!

– Чтобы список вещей, которые я не умею делать, сократился ещё на один пункт.

– И в легкомысленного балбеса играешь из тех же соображений?

– Совершенно верно. Только я не играю. А стараюсь искренне быть таковым.

– У тебя потрясающе получается.

– У меня пока, будем честны, вообще ни хрена не получается. До настоящего, как ты выражаешься, «легкомысленного балбеса» мне очень далеко. Но на скорый успех я и не рассчитывал. Главное, что процесс идёт. И назад мне дороги нет, вот что по-настоящему прекрасно.

– В каком смысле – нет?

– Таким, как прежде, я уже не стану, даже если захочу. А я не захочу. Разнообразие и переменчивость окружающего мира – хорошая подсказка человеку, к чему следует стре-

миться. Так называемая личность – просто что-то вроде погоды. И меняться, по идее, должна так же часто и легко.

– Ничего себе! – присвистнул я. – Именно личность? Не настроение?

– Так личность, в идеале, и должна быть чем-то вроде настроения. Личность – это же не сам человек, а просто форма, в которой проявляется работа сознания.

– Ты всё-таки потрясающе формулируешь.

– Ты бы тоже так потрясающе формулировал, если бы в своё время не наплевал на мои рекомендации и регулярно занимался дыхательной гимнастикой. Она, помимо прочего, проясняет ум. А ясный ум – это очень удобно. Примерно как остро заточенный карандаш... Так, а теперь стоп. Смотри. Да не на меня!

Но я уже и сам понял, куда надо смотреть.

В конце улицы, на которую мы только что свернули, стоял дом, слишком высокий для Ехо, примерно пятиэтажный; впрочем, окон, по которым обычно можно сосчитать этажи, там не было вовсе. Зато на плоской крыше красовалась конструкция, очень похожая на чёртово колесо, только вместо кабинок к ней были прикреплены гигантские искусственные птицы, являющие собой обескураживающий компромисс между лебедем и павлином. Всё это безобразие было освещено слабым сиянием разноцветных фонариков и медленно вращалось – не то с помощью какого-то хитроумного механизма, не то просто от ветра.

– Это что за хрень такая удивительная? – изумлённо спросил я.

– Иногда ты тоже потрясающе формулируешь.

– Это не ответ.

– Ты лучше смотри внимательно. Похоже, я неплохо считал время.

– Время – чего?

Но ответ мне не понадобился. Потому что дом, на который я глядел во все глаза, засветился тусклым сиреневым светом, задрожал как желе и принялся менять форму. Несколько минут спустя на его месте стояло приземистое сооружение ярко-лилового цвета, больше всего похожее на комок сырого теста – ни одного прямого угла. Зато верх его был украшен множеством башенок самой причудливой формы, а в круглых окнах, расположенных по периметру, вспыхнули свет – изумрудно-зелёный, розовый, оранжевый, снова зелёный, красный, голубой.

– Мама дорогая, – наконец выдохнул я. – Да что тут творится вообще?

Друг мой явно наслаждался произведённым эффектом. Это было заметно, несмотря на его текущий облик, не слишком хорошо приспособленный для выражения любого рода эмоций. Трудно изобразить что-то толковое на лице, состоящем практически из одних бровей. Но когда это Шурфа Лонли-Локли останавливали трудности.

– Так и знал, что тебе понравится, – сказал он. – А ведь

ребята просто тренируются.

– Какие ребята?

– Новые Древние архитекторы, так они себя называют. Малдо Йоз сотоварищи. Вообще-то я думал, ты уже догадался. Больше такое у нас вытворять вроде некому.

– Час от часу не легче. Кто такой Малдо Йоз? Что за «новые древние»?

Шурф удивлённо покачал головой.

– Ты что, не читаешь газеты? С каких это пор?

– С тех самых, когда там несколько дней кряду писали только о моих трупах³, – мрачно сказал я. – Сперва многочисленные опровержения слухов о моей скоропостижной смерти, что ещё ладно бы. Неприятно, но действительно необходимо, к тому же им Джуффин велел. Но потом эти красавцы затеяли так называемое «журналистское расследование». То есть каждый день публиковали всё более бредовые версии случившегося. В конце концов мне стало неприятно.

– Могу тебя утешить, эта тема давным-давно закрыта по личному распоряжению Его Величества, чьи нервы не выдержали прежде моих. Последней каплей стала статья, подробно повествующая о том, как ты решил захватить власть в Соединённом Королевстве с помощью тысячи собственных двойников, злодейски созданных специально для этой

³ Душераздирающие подробности о трупах изложены в книге «Мастер ветров и закатов».

цели. К счастью, что-то пошло не так, и все твои будущие соратники появлялись на свет сразу мёртвыми, а то был бы нам всем полный конец обеда, как говаривал в соответствующих случаях сэр Андэ Пу. Хочешь еще подробностей?

– Спасибо, не надо, – вздохнул я. – Если ты думаешь, буд-то меня окружают исключительно чуткие, деликатные люди, решительно не способные затрагивать в разговоре неприятные мне темы, ты ошибаешься. Я пока еще не ушёл из Тайного Сыска в портовые грузчики. Так что мне эту собачью чушь по дюжине раз на дню пересказывали.

– Странно, что ты так недоволен. По идее, подобные вещи должны тебя смешить.

– Они и смешили – поначалу. Но знаешь, есть некоторая критическая масса глупости, достигнув которой шутка перестаёт быть забавной.

– Но разве глупость может быть обидной? Да ещё настолько, чтобы навсегда отказываться от чтения газет.

– Не в обиде дело. Просто я поневоле стал думать, что все остальные статьи, которые я с интересом читаю на досуге, такая же фигня, как все эти ужасные откровения о происхождении моих трупов.

– Ну, кстати, не все, – заметил Шурф. – Примерно половина.

– Наверное. Тебе видней. Но это не отменяет того факта, что газеты стали мне неприятны. Даже не столько они, сколько я сам в роли одураченного читателя.

– Это я могу понять, – неожиданно согласился он. – Сам прежде не читал их примерно из тех же соображений. Но теперь приходится. Работа есть работа.

– Тогда расскажи мне, о просвещённый читатель столичной прессы, кто такой этот Малдо Йоз. Откуда взялся? И что за тренировки такие чудесные у него с товарищами среди ночи? Что вообще происходит?

– Происходит, как я понимаю, что-то вроде революции в архитектуре, – сказал Шурф. – Точнее, возрождение старинной традиции строительства. Занимаются этим совсем молодые ребята, студенты-старшекурсники и недавние выпускники Королевской Высокой Школы. Называют себя, как я уже сказал, «Новыми Древними архитекторами». И это, в общем, довольно точное определение. Малдо Йоз, насколько мне известно, ещё студент, но самый старший из них; впрочем, не в возрасте дело, на нём, как я понимаю, всё и держится. И первые строительные опыты он ставил в одиночку, единомышленники появились позже. Сэр Малдо вообще интереснейший персонаж. Примерно четыре дюжины лет назад он поступил послушником в Орден Семилистника. Леди Сотофа говорит, очень талантливый был мальчик, подавал большие надежды, но ушёл от них буквально года через три. Ни с кем не ссорился, устав не нарушал, в интриги не лез. Просто сказал, ему стало неинтересно. И Орденское начальство так растерялось, услышав этот наивный аргумент, что отпустило Малдо без лишних разговоров, хотя обычно по-

кинуть Орден гораздо труднее, чем в него поступить.

– Неинтересно! – фыркнул я. – Теперь-то бедняги небось вспоминают те времена как счастливую эпоху блаженной беспечности. С тобой захочешь не заскучаешь, знаю я твои методы.

– Не думаю, что действительно знаешь, – заметил Шурф. – Я слишком дорожу нашей дружбой, поэтому крайне редко позволяю себе проявлять те качества, которые делают меня неплохим наставником и руководителем Ордена.

«Крайне редко» – это примерно дюжину раз на дню. Я считал.

Но говорить вслух не стал. Если сэру Лонли-Локли вдруг приспичило возомнить себя воплощением кротости, кто я такой, чтобы разбивать его бедное сердце аргументированными возражениями.

Вместо этого я спросил:

– И что было дальше с Малдо Йозом? Ушёл из Ордена Семилистника и подался в архитекторы?

– Не сразу. Несколько лет он вёл затворническую жизнь – вот как раз здесь, в Скандальном переулке, в доме своего двоюродного прадеда, потихоньку проедая полученное от него наследство. Эта идиллия продолжалась до тех пор, пока у сэра Малдо не возникли некоторые разногласия с нами. То есть с Тайным Сыском. Собственно, именно тогда я и узнал о существовании этого способного молодого человека.

– А что он натворил?

– Да по нынешним временам, считай, вообще ничего. Просто мирно колдовал у себя на заднем дворе, применяя при этом магию столь возмутительной с точки зрения закона ступени, что у сэра Джуффина глаза на лоб полезли. Он-то думал, нынешняя молодёжь, родившаяся уже после принятия Кодекса, на такое не способна. И после задумчивого допроса юный Малдо отправился колдовать дальше, но не домой, а куда-то в Уриуланд, на побережье, где практиковать традиционную Очевидную магию гораздо трудней, но не абсолютно невозможно. И запретов меньше. Джуффин объяснил, что для начинающего колдуна это идеальный вариант отточить мастерство, и сэр Малдо с этим согласился. Впрочем, особого выбора у него не было: или изгнание, или Холоми. За семидесятую ступень Чёрной магии в ту пору можно было схлопотать более чем солидный срок.

– И что было дальше?

– В Уриуланде Малдо Йоз, насколько мне известно, зарабатывал деньги и неоценимый опыт, работая в строительной артели. Где, кстати, сделал неплохую карьеру – от простого маляра до Мастера Контролирующего Полное Соответствие, который следит за тем, чтобы результаты строительства не отклонялись от одобренных заказчиком чертежей и надзирает за рабочим процессом в целом. А сравнительно недавно он вернулся в Ехо и поступил в Королевскую Высокую Школу на факультет Теории и Истории Простых и Непростых Искусств...

– «Простых» и «непростых»?!

– Согласен, звучит крайне старомодно. Однако такой факультет действительно есть. «Простыми» в старой Угуландской традиции считались все виды искусств, не требующие применения высоких ступеней Очевидной магии – в частности, живопись, музыка, поэзия. А «непростыми», соответственно, те, в которых без колдовства не обойтись. Например, архитектура. Ты же знаешь, как у нас строили в старину?

– Не то чтобы знаю, но краем уха слышал. Архитектор сперва рисовал проект, а получив одобрение заказчика, строил дом в одиночку. В смысле колдовал, и дом овеществлялся – буквально за пару часов, на глазах у ошеломлённой публики.

– Совершенно верно. Для полноты картины следует сказать, что мастеров такого уровня всегда было крайне мало. Эта профессия требовала не только множества специальных навыков, но и огромной личной силы. А по-настоящему могущественные колдуны в любую эпоху наперечёт. К тому же большинство из них предпочитали заниматься совсем другими вещами. Поэтому простые строители тоже никогда не сидели без работы, большая часть Старого Города построена их руками из самых обычных камней и кирпичей. Но дома, созданные колдовством, пользовались бешеной популярностью. И те немногие могущественные колдуны, которые дали себе труд освоить архитектурное ремесло, зарабатывали

огромные деньги. Достаточно сказать, что добрая четверть первой страницы официального почётного списка нынешних столичных богачей – их прямые потомки.

– Ого! – присвистнул я. – А с наступлением Эпохи Кодекса эта лавочка, как я понимаю, прикрылась?

– На самом деле, гораздо раньше. В большой степени потому, что ведущие мастера почти никогда не брали учеников, опасаясь вырастить конкурентов. Вероятно, считали себя бессмертными, но на практике таковыми не оказались. Постепенно магов-архитекторов становилось всё меньше, цены на их услуги достигли столь беспримерных высот, что даже лучшие из лучших годами сидели без работы, а их потенциальные клиенты вынужденно убеждались, что дома, построенные обычными ремесленниками, вполне годятся для жизни. Так постепенно и незаметно сходят на нет многие традиции. Потом проходит какое-то время, и их начинают переосмысливать и возрождать. Думаю, это просто естественный ход вещей. Поэтому совершенно не удивлён, что практически сразу после отмены запретов на колдовство появились люди, решившие возродить старинные методы строительства. Рано или поздно это должно было случиться. Так почему бы не прямо сейчас?

– Круто, – резюмировал я. – Слушай, а почему здесь сейчас не толпится всё население столицы? Такое зрелище! Ясно, что ночь, но что с того?

– Потому что Новые Древние стараются держать свои за-

нятия в тайне. Затем я и сделал нас невидимыми – чтобы их не смущать. На публику ребята работают днём, выполняя заказы, а тут по ночам учатся. Совершенствуют мастерство. Иногда задуманное не получается, иногда оно оказывается слишком недолговечным. В такой ситуации зрители ни к чему. Демонстрировать публике свои слабые стороны – как минимум непрофессионально. И, кстати, жестоко по отношению к той же самой публике, жаждущей чуда.

– А откуда ты узнал?..

– Я – самый всеведущий человек в Соединённом Королевстве, – надменно ответил мой друг. – Никаких тайн для меня больше не существует.

Я ошеломлённо уставился на него, всерьёз встревоженный неожиданным приступом младенческого хвастовства. Наконец осторожно спросил:

– С тобой всё в порядке? Когда ты в последний раз спал?

– Не поверишь, но прошлой ночью, – усмехнулся Шурф. – С тех пор так ты надоумил меня отсыпаться в иной реальности, безумие от бессонницы мне больше не грозит.

– А, то есть мания величия у тебя просто так началась? – обрадовался я. – Не от переутомления? Тогда ладно, буду терпеть и её, наряду с другими твоими достоинствами.

– Спасибо. Даже не ожидал от тебя такой самоотверженности. Но кстати, я сказал почти правду. Просто в основе моего чудесного всеведения лежит то ускользнувшее от твоего внимания обстоятельство, что за разрешениями на крупно-

масштабные магические изменения реальности теперь приходят именно ко мне. Вот и Малдо Йоз пришёл. Вернее, прорвался примерно через полгода после принятия основных поправок к Кодексу Хрембера. Я тогда вообще никого не принимал по личным вопросам, просто физически не успевал. Но Малдо заручился поддержкой Джуффина – ты же знаешь, как тот любит талантливую молодёжь, особенно из числа своих бывших арестантов. Так что деваться мне было некуда, и разрешение Малдо Йоз получил, благо случай совсем простой: дом и земельный участок принадлежат ему, следовательно, согласия собственника не требуется, и гарантии компенсации в случае возможного ущерба можно не оговаривать. И цель колдовства в прошении указана самая невинная: «художественные и ремесленные эксперименты», захочешь, не придерёшься. Мне стало любопытно, что он затевает, я даже несколько раз приходил посмотреть, но ничего интересного не увидел и выкинул Скандальный переулок из головы – ровно до того момента, как в газетах принялись писать о Новых Древних Архитекторах и возрождении старинных методов строительства. Тогда я пришёл сюда ночью – просто потому, что в это время более-менее свободен от дел. И, как выяснилось, угадал. Днём здесь ничего интересного не увидишь: ветхий особняк, когда-то доставшийся в наследство сэру Малдо, стоит, как всегда стоял. Зато по ночам он превращается – сам видишь во что. С тех пор я сюда часто заглядываю. Успел заметить, что обычно примерно

через три часа после полуночи происходит смена экспозиции – самый прекрасный момент. Всё время думал, что надо бы показать его тебе, но до сих пор как-то не складывалось.

– Хорошо, что наконец сложилось. Невероятное было зрелище, когда один дом превращался в другой. Но как им не жалко?

– Жалко – чего?

– Такая была красота и исчезла. И никто, кроме нас, её не видел. Будь это моих рук дело, я бы захотел всё сохранить.

– Для всех тут просто не нашлось бы места. Участок Мал-до Йоза совсем небольшой. И, как я понимаю, все эти удивительные здания – просто черновики. На них отрабатываются сложные приёмы и обучаются новички... Пошли отсюда, пока нас не стало видно.

– А теперь куда?

– Ужинать. Когда я сказал тебе, что не голоден, я солгал.

Кто как, а я в подобных обстоятельствах совершенно не способен заявить, что устал и хочу домой. Даже когда это чистая правда.

Поэтому домой я вернулся уже в предрассветных сумерках, как и положено безответственному тунеядцу и прожигателю жизни, в которого я искренне надеюсь когда-нибудь превратиться. А более-менее сносно притворяюсь уже прямо сейчас.

Думал, все уже давным-давно спят. Отчасти это оказа-

лось верно, по крайней мере, собаки совершенно точно где-то дрыхли, и никто не стал сшибать меня с ног, а потом с энтузиазмом тащить на утреннюю прогулку. Так уж мне сегодня повезло.

Однако в гостинной сидела тощая рыжая девица, конопатая, глазастая, скуластая и в целом чрезвычайно симпатичная. Сперва я её недоумённо разглядывал, прикидывая: кто такая, откуда взялась? И что такое ужасное должно было стрястись в её жизни, чтобы она побежала не в Дом у Моста, а напрямик ко мне? Всё же репутация у меня, прямо скажем, неоднозначная, ещё со старых времён, когда Джуффин с Кофой вовсю развлекались, выдумывая обо мне легенды, которые должны были хоть немного уравновесить мой несолидный облик и местами вздорный, а всё же слишком лёгкий для Тайного Сыщика характер.

И только несколько секунд спустя я наконец опознал Базилио. Не то чтобы я действительно забыл, что леди Сотофа нынче ночью превратила наше чудище в юную леди, просто знание это пока оставалось сугубо теоретическим. Я ещё не успел по-настоящему осмыслить тот факт, что теперь в моём доме стало одним человеком больше. И одним условным василиском меньше. Что, строго говоря, даже немного досадно, я как раз окончательно привык к его кошмарному облику. И тут вдруг – здравствуйте пожалуйста, начинай сначала. А ведь к человеку обычно гораздо трудней привыкнуть, чем к самому ужасному чудищу. По крайней мере, мне.

– Ты чего не спишь? – наконец спросил я.

И тут же сам понял, насколько это глупый вопрос. Если бы меня из чудовища в человека превратили, я бы сначала не то что спать, а даже в кресле спокойно сидеть не смог. Бегал бы небось по потолку с воплями, восторженными и паническими вперемешку.

Впрочем, побегать у Базилио не было никаких шансов: на коленях у нее устроились Армстронг и Элла, а из-под такого груза фиг выберешься, мне ли не знать.

При моём появлении она просияла, как будто увидела доброго волшебника.

Впрочем, если разобраться, я и есть волшебник. В некотором смысле даже добрый. Иногда. Но в тот момент так растерялся от её радости, что задал ещё один глупый вопрос:

– Может быть, ты голодная?

Как заботливая бабушка, честное слово.

Бывшее чудовище отрицательно помотало рыжей головой.

– Наоборот, – сказала она. – Сэр Джуффин перед уходом предупредил Трикки и Меламори: «Не увлекайтесь пирожными, а то бедный ребёнок у вас обожрётся до полного изумления». Похоже, именно это со мной и произошло. Наверное сэр Джуффин наделён пророческим даром.

– Этого у него не отнимешь, – согласился я. – А где, собственно, твои кормильцы?

– Пошли спать. Вообще-то сперва они уложили спать ме-

ня. И даже немножко со мной посидели. Я видела, что они очень устали, и притворилась, что уснула, чтобы их не задерживать. Правда, потом об этом пожалела. Мне почему-то стало страшно одной. Хотя я была не совсем одна, а с кошками. Но всё равно страшно.

– Страшно – что именно?

– Вообще всё! – упавшим голосом призналась Базилио. – Я же ещё никогда не спала в человеческом виде. Наверное мне теперь должен присниться настоящий человеческий сон? Ужасно интересно, как это, но всё равно страшно. Потому что в первый раз. Но гораздо больше я боюсь, что во сне превращусь обратно...

– Понимаю, – кивнул я. – Сам бы на твоём месте тоже боялся. Но на самом деле об этом и речи быть не может. Леди Сотофа Ханемер никогда не халтурит. Уж если заколдовала, то заколдовала, точка.

– Леди Сотофа Ханемер, – мечтательно повторила Базилио. – Такая удивительная, прекрасная леди! А она ещё когда-нибудь сюда придёт?

– Не знаю, – честно сказал я. – Вообще-то у неё очень много дел. С другой стороны, как раз нынче ночью она говорила, что без дружбы жизнь теряет всякий смысл. Так что у нас с тобой есть шанс снова её тут увидеть. Ну или получить приглашение на кружку камры в её саду, тоже неплохо.

– Это было бы потрясающе. Я ещё никогда в жизни не ходил... не ходила в гости. И слушайте, я же, получается, вооб-

ще почти ничего никогда в жизни не делала! Ну, такого, что обычно делают люди. И теперь ужасно боюсь не справиться.

– И снова понимаю тебя как никто, – согласился я. И в ответ на её недоверчивый взгляд добавил: – Я сюда когда-то вообще из другого Мира попал, там всё совершенно иначе устроено. Поэтому у меня чуть ли не каждый день что-нибудь впервые в жизни.

– До сих пор?!

– Конечно, до сих пор. Например, я ещё никогда в жизни не рассказывал о себе чудовищу, только что превратившемуся в красавицу. Не было такого, клянусь! Ты у меня первая.

Базилио неуверенно улыбнулась. Я понял, что надо продолжать.

– А пару часов назад я впервые в жизни наблюдал, как один удивительный дом превращается в другой, ещё более удивительный. Перед этим впервые в жизни провожал домой леди Сотофу – обычно-то она Тёмным Путём уходит, или ещё как-нибудь исчезает. А нынче днём я впервые в жизни попал в лапы уличной гадалки и увидел Пророческий сон. Как тебе такой список? И учти, это был, по моим меркам, очень спокойный день, заполненный исключительно удовольствиями и дружеской болтовнёй.

– То есть обычно у вас всё ещё более удивительно? – восхитилась Базилио.

– Да, – признался я.

И не соврал.

– А что вы делаете, чтобы не очень волноваться? – спросила она. – Чтобы уснуть можно было. И вообще...

Тут я всерьёз задумался. Хвастаться своей удивительной жизнью любой дурак может. А дать по-настоящему дельный совет – ничего себе задачка. Совсем не факт, что она под силу усталому и не выспавшемуся мне.

Впрочем, всегда можно просто сказать правду.

– Штука в том, что я обычно очень устаю. Когда уже на ходу засыпаешь, не до волнений, лишь бы до подушки добратъся. Поэтому ты сейчас не спеши в постель. Сиди тут или в кабинете – где хочешь, там и устраивайся. Я бы с радостью составил тебе компанию, но сил уже нет, прости. Поэтому займись чем-нибудь интересным. Почитай, например.

– Точно! – просияла она. – Мне же Трикки книжку оставил. Про то, как делать чудеса. Я могу поучиться колдовать.

Я внутренне содрогнулся, вообразив возможные последствия. Но виду не подал, потому что выказывать недоверие к новичку – худшее, что может сделать старший. Бодро сказал:

– Отличный план. Только сперва очень внимательно всё прочитай. И перечитай, чтобы ничего не пропустить. А ещё лучше, выучи наизусть. Настоящие колдуны всегда знают все нужные заклинания наизусть, а ты чем хуже?

– Ничем? – робко спросила Базилио.

– Правильный ответ, молодец. Вот и зубри, пока не сваляешься от усталости. Рано или поздно это случится, верь мне. Со мной, например, уже случилось. Вот только что, у

тебя на глазах.

С этими словами я картинно пошатнулся и плюхнулся на ковёр.

– А вы не могли бы остаться спать прямо здесь? – спросила Базилио. – Рядом с вами мне совсем не страшно.

– Здесь? – озадаченно повторил я, оглядывая гостиную, где стояло множество прекрасных удобных кресел и, увы, всего один диван, довольно жёсткий и слишком короткий для человека, страстно желающего вытянуть ноги.

Но иногда обстоятельства вынуждают нас становиться героями.

– Ладно, – сказал я, переползая с ковра на диван. – Буду спать здесь. Но только при одном условии. Вернее, условий целых три. Во-первых, так будет не всегда, а только сегодня. В честь твоего первого человеческого дня. Потом я снова переберусь в свою спальню, договорились?

– Конечно, – согласилась Базилио. – Я, наверное, быстро привыкну. Я постараюсь!

– А во-вторых, ты принесёшь мне какое-нибудь одеяло. Потому что у меня уже нет сил за ним идти. Честно.

– Я сейчас! – воскликнула она.

Раздалось недовольное мяуканье Армстронга и Эллы, которых по такому случаю ссадили с колен на пол. Буквально минуту спустя я почувствовал, что меня заботливо кутают, как младенца. Это было так здорово, что я сразу смирился с размерами дивана и всеми прочими неприятностями, уже

наступившими и грядущими – авансом, примерно на полгода вперед.

– А что третье? – деловито осведомилась Базилио.

– Какое третье? – сонно удивился я.

– Вы сказали, что у вас три условия.

– А, точно, – вспомнил я. – Переходи со мной на «ты».

Между друзьями так принято.

– Между друзьями? Так вы... ты со мной дружишь?

– Ещё как дружу, – подтвердил я, укрываясь одеялом с головой.

И наконец-то уснул.

А когда проснулся, всё тело моё ныло от неудобной позы, как один большой синяк, зато гостиная была залита солнечным светом, а бывшее чудовище мирно спало сидя в кресле. Одеяло ей заменили верные Армстронг и Элла, а книжка под названием «Весёлая магия для будущих послушников» валялась на полу. Всё-таки иногда я бываю очень хорошим советчиком.

За это я решил вознаградить себя завтраком. То есть, не просто остатками вчерашней камры, разогретыми и проглоченными на бегу, а Завтраком с большой буквы. Не столько обильным, сколько неспешным. На свежем воздухе, в полном одиночестве. Именно так я и представляю себе счастье – по утрам. Ближе к ночи концепция обычно меняется.

Гостиную я покинул на цыпочках, стараясь не произво-

дить никакого шума. Поход в ванную отложил на потом: уж больно далеко туда добираться. Перед столь масштабным походом завтрак совершенно необходим. Впрочем, до Малой Летней кухни, где я намеревался подкреплять свои силы, тоже неблизко. В этом грешном доме вообще всё далеко; как здесь мог прижиться аскет-минималист вроде меня, уму непостижимо. Не удивлюсь, если однажды выяснится, что полы и стены Мохнатого Дома намазали каким-нибудь старинным приворотным зельем, накрепко привязывающим сердце хозяина к жилищу, вне зависимости от того, соответствует ли оно его вкусам. Потому что я проклинаю этот безразмерный дворец по дюжине раз на дню, но люблю его всё больше и больше. И уже, пожалуй, никуда отсюда не съеду, давно пора это признать и перестать притворяться мучеником.

В Малой Летней кухне обычно хранится еда, каким-то чудом уцелевшая после ежевечерних нашествий столичных колдунов, злых и просто прожорливых. Однако вчера мои друзья посидели особенно душевно. В смысле не оставили в доме ни крошки съестного и ни глотка камры, даже какой-нибудь позавчерашней, а это уже ни в какие ворота. Удар ниже пояса.

Я испытал сильное желание сказать вслух всё, что я думаю по этому поводу. И решил ни в чём себе не отказывать. Благо за долгие годы непростой жизни у меня собралась превосходная коллекция отборных ругательств самых разных Ми-

ров. Глупо обладать всеми сокровищами Вселенной и никогда ими не пользоваться.

Начал я с классического миролюбивого пожелания дюжины вурдалаков всем под одеяло, а закончил совершенно эксклюзивным восклицанием «етидрёный хряп», подслушанным в удивительной реальности, существование которой до сих пор кажется мне делом весьма спорным⁴. Но какая разница.

– Что-что-что? – заинтересовано спросили снаружи. – Повтори, пожалуйста, что ты сейчас сказал.

– Етидрёный хряп, – любезно откликнулся я. И выглянул в окно.

Чем, собственно, прекрасна Малая Летняя кухня – из неё можно выбраться в заросший высокой травой внутренний двор, выхода в который нет ни из других помещений, ни с улицы, ни, тем более, от соседей. В центре двора растёт толстенное дерево вахари, под деревом стоит кресло, пережившее уже добрую дюжину осенних дождей, а в кресле иногда сижу я сам – в те редкие прекрасные утра, когда у меня есть время, чтобы спокойно позавтракать.

Но сейчас в кресле сидел сэр Джуффин Халли. Человек, которого я рад видеть всегда. Но, положив руку на сердце, по утрам – несколько меньше, чем в другое время суток. И он это прекрасно знает. Но всё равно тут сидит. Удивительные

⁴ Душераздирающие мистические подробности можно найти в романе «Гнёзда химер».

бывают люди.

– Что-то стряслось? – спросил я. – Или ты просто решил, что я слишком хорошо живу? И пришёл подвергнуть меня пыткам? В смысле разбудить?

– Етидрёный хряп, – приветливо ответил Джуффин. И, сжалившись, добавил: – Я зашёл посмотреть, как тут у вас дела. Нашёл два неподвижных тела в гостиной, понял, что всё в порядке. И заметь, даже не стал тебя будить. Решил, что для начала можно просто вероломно сожрать твой завтрак, а там – как пойдёт.

– Сожрать мой завтрак? – удивился я. – Где ж ты его взял? В доме шаром покати.

– Как – где? Принёс с собой. Я же знал, куда иду.

– Принёс с собой?!

Я наконец осознал, что стоящий в траве кувшин – фирменный, из «Обжоры Бунбы». Следовательно, камра там самая что ни на есть распрекрасная. Практически лучшая в столице. А это означает, что лезть в Щель между Мирами за напитками мне всё-таки не придётся. По крайней мере, не прямо сейчас. Удивительно удачно начинается день.

– Погоди секунду, – попросил я.

Вылез в окно, прихватив с собой кухонный табурет. Уселся напротив оккупированного Джуффином кресла, принял из его рук кружку с камрой, сделал глоток. Сказал:

– Наверное, «етидрёный хряп» – не просто смешная брань, как я всё это время думал, а могущественное заклин-

вание, исполняющее самые потаённые мечты. Надо бы почаще его произносить, раз так.

– Если потаённые, то лучше не надо, – совершенно серьёзно посоветовал Джуффин. – Я бы на твоём месте так не рисковал.

– Ладно, не буду.

Если дать мне с утра кружку превосходной горячей камры и при этом не требовать немедленно куда-то бежать, я становлюсь на диво сговорчив.

– Это наверно самое своевременное угощение в моей жизни, – сказал я, ненадолго оторвавшись от кружки. – Я как раз мучился выбором: послать зов в ближайший трактир или лезть в Щель между Мирами за кофе? В первом варианте слишком долго ждать результата, для второго я ещё недостаточно проснулся. Хрен знает что спросонок вытащить могу. И счастье, если оно будет не очень живое. Хочется провести какое-то время без скитающихся по дому чудовищ. Просто для разнообразия.

– Не сгущай краски. Это ещё далеко не предел отчаяния, – усмехнулся Джуффин. – Пока ты не рассматриваешь вариант потребовать завтрак у своих поваров, я за тебя вполне спокоен.

– Вот кстати о поварах, – вздохнул я. – Мало того, что они совершенно бесполезны, это как раз ладно бы, плачу-то им не я. Но их присутствие в доме меня раздражает, как всякая потенциальная угроза. Они даже мясо собакам дать не

способны без того, чтобы не испортить. Счастье, что Дримарондо – пёс с трудной судьбой, а потому вполне способен самостоятельно отмыть свой обед от сахара, перца и цветочной пыльцы, которыми его зачем-то посыпали перед подачей. И он достаточно мудр, чтобы не делать этого в ванной прямо в тот момент, когда её кто-то принимает. А Друппи слишком великодушен, чтобы обращать внимания на досадные мелочи вроде приправ. Но при взгляде на его миску у меня сдают нервы, и я иду отмывать мясо сам. Как думаешь, за сколько кувшинов компота Его Величество согласится забрать своих горе-кулинаров обратно?

– Даже не вздумай его об этом просить! Нельзя ставить человека в безвыходное положение, особенно если он Король. Штат Мохнатого Дома уже сокращен до минимально допустимого – по твоей же просьбе. Больше ничего сделать нельзя.

– Как – нельзя? Я думал, слуги и повара – просто подарок. И проблема только в том, что Его Величество не хочет лишать меня этой роскоши. А что я сам прошу их забрать – так о моей скромности легенды ходят, нечего меня слушать. Хочешь сказать, дело не в этом?

– Правда настолько ужасна, что до сих пор я не решался ее тебе открыть, – с пафосом продекламировал Джуффин. – Чтобы не разбивать сердце и не лишать надежды. Однако лучше тебе всё-таки знать. Ты сильный, ты выдержишь.

– Что мне лучше знать?!

Я почти всерьёз испугался.

– Что суровость дворцовых порядков, на которые постоянно жалуется Король, до известной степени касается и тебя. Видишь ли, как обстоят дела. Мохнатый Дом является собственностью Короля, переданной в пожизненное пользование частному лицу. То есть тебе. Ты имеешь полное право жить тут сам, поселить других людей по своему выбору или оставить дом пустым. Однако вне зависимости от взглядов жильцов на ведение домашнего хозяйства, любая недвижимость Его Величества должна постоянно обслуживаться за счет казны и только персоналом, состоящим в дворцовом штате и прошедшим специальное обучение – в соответствии с раз и навсегда установленными правилами, перечисленными, если не ошибаюсь, в восемьдесят шестом томе «Краткого перечня обязательных дворцовых ритуалов».

– В восемьдесят шестом томе? «Краткого перечня»?! – переспросил я, не веря своим ушам.

– Вот именно, – ухмыльнулся Джуффин. – Полного, не стану врать, своими глазами не видел. Но заслуживающие доверия свидетели утверждают, что он все-таки есть. И хранится в специальных подвалах, прорытых под Хуроном, да так глубоко, что спускаться туда по лестнице приходится целый день; подниматься же лучше даже не начинать. Впрочем, вполне достаточно того, что придворный церемониймейстер знает «Полный перечень обязательных дворцовых ритуалов» наизусть.

– А кроме моих поваров, у нас ничего ужасного не стряслось? – спросил я благодушно набивающего трубку Джуффина. – Как-то это на тебя не похоже: приносить мне камру практически в постель, как умирающему. И при этом не будить, стаскивая за шиворот с дивана, а кротко ждать, пока я проснусь сам. Ты меня пугаешь.

– На самом деле ещё как стряслось, – усмехнулся Джуффин. – Причём у тебя. Вчера. А я до сих пор не в курсе. Сплетнями перебиваюсь.

– А что именно у меня вчера стряслось? – растерялся я. – Ты имеешь в виду, что Сотофа Базилио в девчонку превратила? Но ты же сам при этом был. А теперь говоришь: «Не в курсе».

– Что у тебя дома кто-то в кого-то превратился – это не «стряслось». Это всего-навсего «случилось», – педантично поправил меня Джуффин. – О происшествиях такого рода ты мне докладывать совершенно не обязан. Другое дело, что утаивать самое интересное – свинство. Но этим ты как раз никогда особо не грешил. А вот скрывать от меня неприятности в твоём случае – практически должностное преступление.

– Неприятности?! – переспросил я. – С чего ты взял, что у меня... Ой. Ну да. Конечно. Гадалка же!

– Ну, хвала Магистрам, вспомнил. А ведь в старые добрые времена ты бы мне плешь проел, жалуясь на страшное зло-

вещее пророчество и требуя твёрдых гарантий, что всё будет в порядке. А потом – дополнительных гарантий, что на мои гарантии можно положиться. И клятвенных заверений, что все вокруг останутся живы и здоровы, причём навсегда. А тут взял и просто забыл. Что с тобой, сэр Макс?

– Может быть, ранний маразм? – оптимистически предположил я. – Как побочный эффект постоянных занятий этой вашей Угуландской Очевидной магией? Впрочем, наверное я просто привык. Со мной же постоянно что-нибудь этакое происходит, и при этом ничего мне не делается. Рано или поздно начинаешь думать, что так будет всегда.

– Скорее всего, будет, – согласился Джуффин. – Но только при условии, что ты возродишь старую добрую традицию сообщать мне обо всех своих неприятностях, сколь бы пустяковыми они тебе ни казались. Я, видишь ли, не очень глупый человек. И довольно опытный. Глядишь, пригожусь.

– Да я и собирался. Причём сразу же. Просто решил откосить от Безмолвной речи. Подумал: при встрече расскажу. Но при встрече ты играл в карты, а я не самоубийца, чтобы отвлекать тебя в такой момент. А потом явилась леди Сотофа, и всё завертелось. Но я совершенно уверен, что прибежал бы к тебе с этой историей сегодня, сразу же после завтрака. Если бы, конечно, мне по дороге голову не заморочили...

– То-то и оно, – кивнул Джуффин. – Беда, впрочем, не в твоей рассеянности. А в том, что ты себя недооцениваешь.

– Что?!

– Что слышал. Я не хочу сказать, будто ты ежедневно рыдаешь в тёмном углу, вообразив себя бедным маленьким бесталанным уродцем, которого никто не любит. Я имею в виду, что ты сильно недооцениваешь собственные масштабы. И масштабы всего, что происходит с тобой.

– Ты о чём?

– О том, что любая твоя неприятность с большой вероятностью может стать нашей общей. Причём не только нашей с тобой. Очень уж многое на тебе сейчас держится, хочешь ты того или нет. Поэтому о любых проблемах следует немедленно рассказывать мне. И уж тем более, в тех редких случаях, когда о них становится известно заранее. Иногда своевременная встреча с уличной гадалкой – это не только испорченное на три минуты настроение, но и большая практическая польза. А теперь давай подробности. Лучше поздно, чем никогда.

И я выдал ему подробности. Всё, что смог вспомнить. Довольно много на самом деле. Неприветливая ночь, ветер, дующий среди руин как бы во все стороны сразу, груды мусора и строительных материалов, узкие щели между домами, ходящие ходуном гнилые доски вместо твёрдой земли, жалобные стоны из тьмы, румяная волосатая нога в пасти бледной людоедки, скользкая от крови доска над бездонной пропастью как единственный мост между этим кошмаром и нор-

мальной человеческой жизнью на другом берегу, где я потом благополучно проснулся.

И короткий диалог с гадалкой, оптимистически утверждавшей, будто таким, как я, всё идёт впрок, пересказал. Заодно понял, почему сразу же не побежал к Джуффину с жалобами на кошмар: мне уже и без него пообещали, что всё будет в порядке. Дело сделано, я успокоен, вопрос закрыт. А что шефу Тайного Сыска это происшествие может быть интересно совсем по другим причинам, я и правда не сообразил.

– Чрезвычайно любопытный Пророческий сон ты увидел. А теперь угадай, что мне по-настоящему не нравится в этой истории, – предложил Джуффин.

Я задумался. Но, по правде сказать, мыслитель из меня по утрам так себе. Все мои скромные достижения в сфере аналитического мышления до сих пор были сделаны исключительно после обеда. А нескромные так и вовсе за полночь.

– Надеюсь, не моё поведение, – наконец сказал я. – Я не так уж плохо держался. Что высоты до сих пор во сне боюсь – согласен, позорище. Но всё-таки взял себя в руки и пошёл по этой грешной доске. А потом и вовсе взлетел. Хотя это, конечно, следовало сделать с самого начала...

– Твоё поведение в сложившихся обстоятельствах беспокоит меня меньше всего. Остался жив, и ладно, остальное на твоё усмотрение. Если тебе до сих пор интересно играть в мальчишку, который боится высоты, на здоровье, кто ж тебе

запретит.

– Да не то чтобы интересно. Просто во сне почему-то очень трудно помнить, что на самом деле собой представляешь и чему успел научиться. Даже в Пророческом... Так что тебе не понравилось?

– Я так не играю! – фыркнул Джуффин. – Желаю наслаждаться работой твоего великого ума, и точка. Думай дальше.

– Ладно, – обречённо согласился я. – Тогда подлей мне камры. И оставь меня одного лет на пять – шесть. К твоему возвращению правильный ответ наверняка будет готов.

– Да ну тебя к Тёмным Магистрам. Место действия.

– Что?

– Правильный ответ: больше всего мне не нравится место действия. Если бы тебе приснилось, что ты попал в беду где-нибудь в Шиншийском Халифате, я бы, честно говоря, не особо переживал. В другом Море – ещё лучше, тамошние дела – вообще не моя забота. Сказал бы тебе: «Развлекайся на здоровье», – и выкинул бы эту проблему из головы как несущественную. Но во сне ты совершенно точно знал, что находишься в Ехо, хотя так и не опознал улицу. Что, надо сказать, довольно досадно, мне было бы гораздо проще...

Он умолк, оборвав фразу на полуслове.

– Проще – что? – нетерпеливо спросил я.

– Взять под контроль всего один небольшой участок города и выяснить, что там творится. Каким это образом и по чьей воле несколько кварталов столицы Соединённого Ко-

ролевства собираются в ближайшее время превратиться в неприятное место, где царит вечная ночь и разруха, а в развалинах живут людоеды. Всё-таки удивительно, что ты сам об этом не подумал и не забил тревогу. Не узнаю тебя, сэр Макс.

– Да я сам себя не узнаю. Как-то не сообразил, что если уж сон Пророческий, то сбыться должны не только мои приключения, а вообще всё, включая декорации. И что в этих грешных декорациях могу очутиться не я один. Но что касается района, я, возможно, всё-таки могу помочь. Во сне я предположил, что это где-то на Левом Берегу. Но не там, где твой дом, а подальше от реки, где земля дешевле и люди покупают большие садовые участки, чтобы жить, как в деревне. Я туда только собак навещать ездил, ничего там толком не знаю, но по первому впечатлению, очень похоже.

– Ну хоть так, – кивнул Джуффин. – Ясно, с чего начинать. Тебе сколько времени нужно, чтобы привести себя в порядок и выйти из дома?

– Полчаса.

– Даю тебе четверть и ни секундой больше. И так засиделась.

– Куда пойдём-то?

– Гулять по Левому Берегу, конечно. Вдруг узнаешь, где дело было.

– Вот очень похоже! – обрадовался я, когда мы очутились

на Лиловой улице. Наверное, где-то тут я и ходил.

– Или тут? – предположил я, когда мы свернули в переулок Шести Неспелых Пумб.

– А может быть, тут? – растеряно спросил я Джуффина на улице Бедного Лиса.

На Жареной улице я уже ничего не сказал, потому что почувствовал себя окончательно сбитым с толку.

– С точки зрения человека, который живёт в Старом Городе, все улицы тут действительно примерно одинаковые, – утешил меня Джуффин. – Заборы, сады и дома в глубине участков. Когда в следующий раз увидишь Пророческий сон, постарайся сразу найти табличку с названием улицы, вот тебе мой совет.

– А сейчас-то что делать?

– Тебе – ничего. А я на досуге прогуляюсь на Тёмную Сторону, посмотрю, как обстоят дела у нас в городе. И начну с места, соответствующего этому району, – если уж тебе кажется, что в целом картина похожа.

– Может быть, и мне с тобой на Тёмную Сторону прогуляться? – предложил я.

– Может быть, – согласился он. – Делай что хочешь, ни в чём себе не отказывай. Но только без меня.

– Почему? – оторопел я.

Джуффин выдал в ответ свою коронную доверительную улыбку, как бы говорящую адресату: «Ты – единственный человек в Мире, которому я готов поведать страшную тай-

ну». Устоять против этой улыбки невозможно, даже когда знаешь, что она – просто приём, отшлифованный долгими столетиями постоянных упражнении.

Я, по крайней мере, не могу. И свято верю всему, что он потом говорит.

– Ты меня уже давно знаешь, – сказал Джуффин. – И, думаю, не сомневаешься, что я способен убедительно аргументировать свой отказ. Например, заявить, будто присутствие на Тёмной Стороне столь непростого спутника как ты может значительно исказить подлинную картину. Или объяснить, что методы у нас с тобой настолько разные, что будет разумно провести наблюдения по отдельности, а потом сравнить результат. Но на самом деле, штука вообще не в этом. А в том, что больше всего на свете я люблю гулять по Тёмной Стороне в одиночку. И чтобы при этом никого не надо было ловить, потому что любой преследуемый – тоже в своём роде спутник. И тут вдруг такой прекрасный предлог! Грех не воспользоваться.

– Но почему ты не ходишь на Тёмную Сторону просто так, без всяких предлогов? – удивился я.

– Вот это как раз довольно сложно объяснить, – нахмурился он. – Даже тебе. Потому что такие вещи пока не попробуешь на собственной шкуре, не поймёшь. А соответствующего опыта у тебя пока нет; если очень повезёт, то и не будет. Но ладно, попробую. Дело, видишь ли, в том, что на самом деле я совершенно не подхожу для своей работы...

– Чего?!

– Того, – усмехнулся Джуффин. – Что слышал. То есть, я, конечно, идеальный начальник Тайного Сыска, этот факт даже злейшим моим врагам не под силу оспорить. Но на самом деле я – такой, каков есть, без ролей и масок – и дюжины дней не смог бы продержаться на своей должности без серьёзного ущерба для дела и себя. Потому что я – одиночка, эгоист и игрок. Я любопытен, корыстен, непоседлив и нетерпим к чужим несовершенствам. И испытываю неутолимую потребность в том, чтобы постоянно учиться, а вовсе не учить других. Мне должно быть интересно жить кругло-суточно, в том числе, во сне. При соблюдении этого условия остальное – несущественно. Однако обстоятельства в своё время сложились так, что выбора у меня не было. Мне достались совершенно несоответствующая характеру судьба и призвание; так, кстати, довольно часто бывает. Но я нашёл выход.

Я даже не спросил, какой именно. Потому что слушал его, открыв рот. И вряд ли был сейчас способен членораздельно изъясняться.

– Когда тебе приходится ежедневно совершать невозможное, эффективней всего просто превратиться в человека, для которого твоё невозможное – простое и даже естественное дело, – сказал Джуффин. – Это решает все проблемы разом. Очень удобно. Но вылезать из этой шкуры следует как можно реже, хотя бы потому, что возвращаться в неё – колоссаль-

ный, почти непосильный труд. Поэтому большую часть времени я живу, действую, чувствую и рассуждаю, как идеальный начальник Тайного Сыска, человек, чьё существование полностью подчинено интересам дела. И все удовольствия, включая одинокие прогулки по Тёмной стороне, возможны для него только по служебной необходимости. Поэтому я так дорожу каждым счастливым совпадением. И когда выпадает шанс самому его организовать, готов, как видишь, на многое. Включая задушевные беседы и душераздирающие откровения.

– Ничего себе, – наконец выдохнул я. – Как же непросто тебе живётся. Я не знал. Думал, ты и на своём месте всю развлекаешься.

– Развлекаюсь, конечно, – согласился Джуффин. – А то бы чокнуться можно было. Но все настоящие развлечения я отложил на потом. Ничего, скоро уже.

– Скоро?!

Вот тут я перепугался по-настоящему. Потому что представить себе Тайный Сыск без сэра Джуффина Халли я, конечно, могу. Как, скажем, и конец света. Но очень не хочу всё это представлять. Иногда воображению лучше просто не давать воли.

– Очень скоро, – подтвердил он. – Лет через сто. По моим меркам, вообще не срок.

И тогда мне, конечно, изрядно полегчало. Потому что, во-первых, я и сам здесь всего на сто лет, согласно нашему с

Джуффином договору; дальше – на моё усмотрение. А во-вторых, по моим меркам, сто лет – это практически вечность. Я прежде и не надеялся столько прожить. И до сих пор не могу бесповоротно изменить внутреннюю систему координат, согласно которой время человеческой жизни отсчитывается годами, а не столетиями, как тут у нас принято.

– Лет через сто – ещё ладно, – наконец сказал я. – За это время я научусь обыгрывать тебя в карты постоянно, а не раз в дюжину партий, как сейчас. И тогда ты придушишь меня собственными руками. Так что до всего этого ужаса я просто не доживу.

– Ишь размечтался! – фыркнул Джуффин. – Обыгрывать меня он будет, как же. Держи карман шире. Это ещё большой вопрос – кто кого будет душить!

Ужасно трудно иногда бывает с ним поладить. По простейшему вопросу – и то непримиримые разногласия.

Потрясённый столь насыщенным началом дня и свалившимися на мою бедную голову тайнами, я отправился с Джуффином в Дом у Моста, сославшись на тот прискорбный факт, что уже несколько дней не пил дармовой камры, которой у него в кабинете всегда завались. Однако отдавал себе отчёт, что на самом деле мной движет желание увидеть шефа Тайного Сыска сидящим за своим рабочим столом, желательно с буривухом Курушем на плече. Я надеялся, что это привычное зрелище меня успокоит.

Все мои близкие почему-то уверены, будто я лёгок на подъём и жаден до перемен. А на самом деле я консерватор, каких свет не видывал, особенно когда счастлив – вот, например, прямо сейчас. Будь моя воля, оставил бы всё как есть, неизменным и неизблемым, – навсегда. И, надо думать, заслужил бы славу самого злого колдуна за всю историю этого Мира. Потому что жизнь – это череда перемен. Останови их, и не останется ничего живого. Хорошо, что я сам это понимаю, а то и правда натворил бы однажды дел.

В Зале Общей Работы было необычайнолюдно. Там внезапно собрались вообще все, кроме сэра Кофы Йоха, который, как и Джуффин, прежде всего, человек долга. И если долг велит ему сейчас поглощать восьмой по счёту обед в каком-нибудь захудалом трактире на окраине, где теоретически можно услышать пару малоинтересных сплетен о непростой личной жизни вышедших в отставку контрабандистов, будьте уверены, на службе он не появится, хоть стреляй. А стрелять в Кофу нет дураков. Общеизвестно, что всякий направленный в него выстрел из любого оружия поразит самого стреляющего. Этому старинному защитному трюку сэр Кофа Йох выучился в разгар Смутных Времён, когда был Генералом Правобережной Полиции, и правильно сделал. Жаль только, перенять у него это полезное умение мало кто способен: двести двадцать восьмая ступень Чёрной магии и двести девятая Белой, не кот чихнул. Пока в тебя не

начнут стрелять из-за каждого угла по дюжине раз на дню, кажется, что это слишком сложно, ничего не получится, так что и пробовать не стоит – только расстраиваться.

В общем, из всего вышесказанного следует, что сэр Кофа, во-первых, неописуемо велик, а во-вторых, отсутствовал. Зато остальные присутствовали повсюду, даже Луукфи Пэнц, которого лично я вижу в среднем раза четыре в год, а, скажем, Джуффин, на правах начальника, примерно двадцать, спустился к нам из Большого Архива – событие настолько выдающееся, что заслуживает специального упоминания не только в моём повествовании, но и в ежегодном выпуске «Полного Перечня Важнейших Событий Мирового Значения». Но, подозреваю, не попадёт туда, потому что наша служебная деятельность является государственной тайной. Что, в общем, к лучшему. Если граждане Соединённого Королевства узнают, сколько кувшинов камры и килограммов печенья мы ежедневно выжираем за казённый счёт и какую чушь при этом несём, это ранит их в самое сердце.

Но, кстати, сейчас камру никто не пил. Её даже на столе не было – невиданная анархия и попрание традиций. Без пяти минут государственный переворот.

Вместо кувшина с камрой на столе стоял сэр Мелифаро. Не сидел, а именно стоял, причём на одной ноге. И бурно жестикулировал. И вещал. Что касается его костюма, с тех пор, как этот модник повадился носить сразу два лоохи – совсем короткое поверх едва достигающего колен – а ска-

бы стал выбирать исключительно с цветочным орнаментом, я решительно отказываюсь обсуждать его наряды вслух. Поэтому что всему есть границы. Даже, как оказалось, моему чувству комического.

Воспользовавшись благодушным настроением Джуффина, который был рад, что я увязался за ним в Управление, и не особо пытался это скрывать, я проскользнул в его кабинет, где тут же получил традиционный выговор от Куруша за то, что явился без гостинцев, в очередной раз пообещал обездоленной птице встать на путь исправления, налил себе полную кружку камры, о которой начал мечтать ещё на Левом Берегу, на радостях даже разогрел её сам, особым прикосновением кончиков пальцев левой руки, хотя этот фокус, как и прочая кулинарная возня, до сих кажется мне чрезвычайно утомительным. И, прижимая трофей к груди, вернулся в Зал Общей Работы. Потому что я живой человек, и мне интересно, какого чёрта Мелифаро залез на стол. И, самое главное, почему все остальные, взрослые вменяемые люди, могущественные колдуны, так внимательно его слушают.

А дверь за собой я закрывать не стал: Джуффин тоже живой человек. И ещё более любопытный, чем я. И тоже пропустил начало выступления.

– И здесь ещё примерно как-нибудь вот так, – говорил Мелифаро, приставив к тюрбану согнутую в локте руку. – Такая синяя пристройка с треугольным основанием. Там будет моя

комната, я о такой ещё в детстве мечтал.

– О треугольной комнате? – удивлённо спросила леди Кекки Туотли.

Остальным и в голову не пришло удивляться и переспрашивать – мы все не первый день знаем нашего Мелифаро и ни на секунду не сомневаемся, что в треугольной комнате ему самое место. А леди Кекки – барышня рассудительная. И одновременно наивная. Боюсь, она до сих пор уверена, будто на службе окружена исключительно разумными людьми без особых психических отклонений.

Однако Мелифаро нанёс очередной удар по этой её иллюзии.

– О треугольной комнате на крыше, – подтвердил он. – Чтобы она была приделана где-нибудь сбоку, и пол под таким крутым уклоном, что без специального колдовства ничего на нём не устоит. И теперь такая комната у меня будет!

– Слушай, ну точно. Ты же переезжаешь в новый дом, – вспомнил я. – А когда? Тебе помочь с переездом?

– Спасибо, – сказал Мелифаро. – Я всегда знал, что ты только притворяешься бесчеловечным монстром, равнодушным к чужим бедам, а в глубине души – настоящий друг. И если бы мне пришлось живьём отправиться на тот свет, чтобы провести там расследование о пропаже драгоценного савана из древней могилы, я бы дорого дал за то чтобы иметь тебя в качестве спутника. Но если ты думаешь, будто я доверю тебе паковать мою одежду, ты глубоко заблуждаешься.

Хорошие вещи нельзя давать в руки диким варварам из Пустых Земель. Даже если эти Пустые Земли находятся в другом Море. Дикому варварству это обстоятельство, к сожалению, совершенно не препятствует.

– Сдалась мне твоя одежда! – фыркнул я. – Ладно, не хочешь заручиться помощью величайшего грузчика всех Миров – дело хозяйское. Таскай свои сундуки сам.

– Да мне, кроме одежды, и перевозить особо нечего, – признался он. – Обстановка в доме не наша с Кенлех, а хозяйкина. Собственно, я до сих пор не выбросил эту дрянь в окно только потому, что руки так и не дошли. А теперь уже вроде поздно. Пусть остаётся, на горе следующему арендатору.

– Ладно, – сказал я, – поставим вопрос иначе. Когда новоселье?

– Наверное через пару дней, – неуверенно сказал он. – А может быть, всё-таки через дюжину. Или вообще в конце года. Понимаешь, мой дом ещё не построили. Через час как раз начнут.

– Через час?! То есть до сих пор даже не начинали? Ничего себе. Строительство – это же долгое дело!

– Очень долгое, – ухмыльнулся Мелифаро. – Четверть часа будут работать, не меньше. Но ничего, я как-нибудь потерплю.

К чести моей следует заметить, что я стоял, открыв рот, совсем недолго. Буквально секунды полторы. И моргнул от

изумления всего раза два. А потом сложил все известные мне факты и сделал единственно возможный вывод. Очень вовремя, потому что Мелифаро уже приготовился облить меня презрением.

– Погоди, так тебе дом Новые Древние строят? – спросил я.

– Естественно, – снисходительно подтвердил он. – Глупо было бы переезжать из одного обыкновенного дома в другой обыкновенный. Нет на свете занятия скучней, чем переезд, да и времени жалко. Но тут особый случай.

– В газетах пишут, что уже к концу года Удивительная улица станет самым модным местом в городе, – усмехнулась Меламори. – Уверена, прогноз верный, всё так и будет – сразу после официального визита Его Величества, который пожелал осмотреть эту архитектурную достопримечательность, как только там появится хотя бы дюжина новых зданий. А вслед за Королём туда рванут толпы придворных мучеников и просто снобов-любителей, и в один прекрасный день внезапно выяснится, что добрая половина деловых и любовных свиданий теперь назначается на Удивительной Улице. Кстати, Гоппа Талабун, который всегда держит нос по ветру, уже объявил, что открывает там очередной «Скелет». Надеюсь, назовёт его «Удивительным». Будет смешно.

Я подумал: какое же счастье, что нам Король наносит визиты инкогнито. Если бы Мохнатый Дом внезапно стал самым модным местом в городе, я бы этого не пережил. Хотя

от скромного филиала «Скелетов» где-нибудь на втором этаже я бы не отказался: готовят Гоппины повара много лучше Королевских, к которым я, как внезапно выяснилось, приговорён пожизненно.

— Дело даже не в том, что место станет модным, — внезапно сказал Мелифаро.

В его устах это прозвучало похлеще анархического лозунга, гармонично переходящего в горячечный бред. Поэтому все присутствующие уставились на беднягу с плохо скрываемой тревогой.

— Об этом я самого начала подумал, — невозмутимо продолжил Мелифаро. — Ещё когда Новые Древние построили самый первый дом на Удивительной улице, и о них заговорили, как о главной городской сенсации года. Но я всё взвесил и решил, что мода чересчур переменчива, чтобы полагаться на неё в выборе жилья. Слишком часто придётся тогда переезжать, а это гораздо хлопотней, чем переодеваться.

— Это звучит настолько здраво, что я начинаю опасаться, что в тебя вселился какой-нибудь не в меру разумный демон, — сказал я.

— Да никто ни в кого не вселялся, — отмахнулся он. — Просто у всякого выбора своя цена, а я действительно ненавижу домашние хлопоты. Но Малдо сделал мне предложение, от которого ни один человек в здравом уме не отказался бы.

— Ничего себе. Это какое же?

— Он предложил построить любой дом, какой я захочу. То

есть вообще любой, даже если нормальные строители говорят, что такое технически невозможно. А когда мы вместе нарисовали эскиз, Малдо сказал, что ему так нравится моя идея, что он готов взяться за работу всего за двести корон – при том, что средняя цена у них сейчас от тысячи и выше.

Я задумался, пытаюсь понять, много это или мало.

– Тысяча – это примерно вдвое дешевле, чем стоит очень маленькая квартира в Старом Городе, – подсказала мне Кекки. – И вдвое же дороже, чем большой дом в Новом.

– Земля в центре такая же дешёвая, как в Новом Городе, – добавил Мелифаро. – По крайней мере, была, пока Новые Древние не взялись за дело. Но участки на Удивительной улице и ещё нескольких соседних Малдо благоразумно выкупил заранее. Там рядом, видишь ли, бывшая загородная резиденция Ордена Колючих Ягод, которую в Смутные Времена только ленивый не пытался взять приступом, наивно полагая, что справиться с сосланными туда за непослушание Младшими Магистрами будет легко. Однако резиденция до сих пор целёхонька, зато окрестные кварталы в руинах; я совершенно уверен, что Малдо скупил их за гроши, потому что недавно эти горемычные владения и в подарок не то чтобы охотно принимали. Так что на благотворительность расценки Новых Древних не тянут. Совсем нет.

– Но тебе-то дом считай подарили.

– А Малдо сказал, что и подарил бы, если бы я был бедняком. Потому что построить такую красоту – честь и удо-

вольствие. И заодно профессиональный вызов.

– Могу себе представить, – вздохнул я.

– Не можешь, – заверил меня Мелифаро. – И никто не может. Я и сам не мог, пока у меня в руках не оказались карандаши и бумага. С детства ими не пользовался, а зря. Такая вдохновляющая штука! Особенно когда тебе обещают, что твои каракули могут превратиться в самый настоящий дом. Жду не дождусь увидеть, что получится.

– Слушай, а можно посмотреть, как его будут строить? – спросил молчавший всё это время Нумминорих. – Это же самое интересное!

– Ещё бы! – подтвердил Мелифаро. – И лично я сейчас туда отправлюсь.

– Я с тобой, – твёрдо сказала Меламори.

– Ну так все, наверное, пойдём? – Нумминорих уже стоял в дверях.

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Пошли, чего мы ждём», – но тут в Зале Общей Работы появился Джуффин.

– Куда это вы все собрались? – строго спросил он.

Ответом ему было тяжёлое молчание.

– Мы же с вами договорились, – наконец сказал Мелифаро.

– С тобой-то договорились, – согласился Джуффин. – А вот готовность всех остальных моих сотрудников сбежать из Управления среди бела дня, даже не попытавшись сочинить подходящий предлог, стала для меня неприятной

неожиданностью.

Собравшиеся растерянно переглянулись – дескать, что это с шефом?

– А разве у нас много работы? – наконец спросила Меламори.

– Очень много, – подтвердил Джуффин. – Вот, например, ты, леди, рвёшься развлекаться. И даже не подумала о том, что твой коллега отправляется в публичное место без охраны.

– Кто? – изумилась Меламори. – Какой мой коллега?

– Сэр Мелифаро, разумеется. Тебе самой следовало заранее подумать о том, что в состоянии экзальтации, свойственной всем художникам, влюблённым и свежеиспечённым домовладельцам, он не будет способен защитить себя в случае внезапного нападения. Которое теоретически возможно в любой момент, и забывать об этом не следует даже в самые мирные времена.

– Это я-то не смогу?! – возмутился Мелифаро. И наконец-то прыгнул со стола – видимо ради наглядной демонстрации своей дееспособности.

– Цыц! – рявкнула Меламори, уже сообразившая, какие выгоды ей сулит полученное задание. – Конечно, не сможешь. Ты самое хрупкое и незащищенное существо, какое мне только доводилось встречать; совершенно не понимаю, как тебе удалось дожить до сегодняшнего дня в этом суровом, полном опасностей Море. Но теперь можешь быть спокоен,

я рядом. Пошли уже!

И буквально силой вытащила его в коридор.

– Теперь ты, леди Кекки, – строго сказал Джуффин. – Ты прекрасно знаешь, что сэр Кофа вынужден сейчас собирать крайне важную для всех нас информацию в припортовом районе. И, следовательно, не сможет присутствовать на Удивительной улице во время строительства. А ведь после вчерашнего газетного оповещения о невиданном зрелище там соберётся полгорода...

– И будет глупо упустить возможность послушать, о чём они все говорят? – обрадовалась Кекки.

– Ну наконец-то вспомнила о своих обязанностях. Лучше поздно, чем никогда, – проворчал шеф. – Надеюсь, изменить облик ты догадаешься без дополнительного напоминания?

– Чуть не забыла! – ахнула Кекки, закрывая лицо руками. – Спасибо! Ну, я побегу? Я быстро!

Такого длинного носа, как она себе отрастила, я давненько на девичьих лицах не видел. Перестаралась на радостях, с кем не бывает.

Кекки пулей вылетела из Зала Общей Работы, а Джуффин повернулся к Луукфи.

– Я думаю, буривухи из Большого Архива, будут благодарны, если ты пригласишь одного из них на это представление, – сказал он. – Буривухи не любят нашей человеческой суеты, а всё же порой им нравится лично присутствовать при важных и просто необычных событиях. Поэтому всегда сле-

дует ставить их в известность и предлагать сопровождение.

– Спасибо за совет, – просиял Луукфи. – Я всегда стесняюсь обращаться к буривушкам с подобными предложениями, но если вы считаете, что им будет приятно, я так и сделаю. Только я не совсем понял, какое именно представление мы должны посетить. Нас пригласили в оперу? А по какому адресу её дают? И когда начало? Я успею переодеться? А подарок для солиста за счёт казны?

Причём он не издевался. Луукфи действительно настолько рассеянный – во всём, что не касается его отношений с буривушками из Большого Архива, которые сами пригласили его на службу в качестве посредника между ними и остальными людьми. Достаточно сказать, что Луукфи отличает их друг от друга и помнит имя, характер, привычки и специализацию каждого. На это, как я понимаю, расходуется всё его внимание без остатка. Долгое время я говорил себе: «Ладно, по крайней мере, парень каждый день как-то добирается домой, а по утрам вспоминает, где находится Дом у Моста», – пока случайно не выяснил, что тяжёлая обязанность помнить домашний адрес сэра Луукфи Пэнца и знать наизубок распорядок его дня лежит на одном из возниц Управления Полного Порядка.

Но Джуффина причудами Луукфи не смутишь. Он свои кадры знает.

– «Представлением» я называю строительство дома сэра Мелифаро на Удивительной улице, куда вы все только что

так рвались уйти, – терпеливо объяснил он. – Извини, если сбил тебя с толку.

– Вы думаете, буривушкам может быть интересно смотреть, как строят дом? – удивился Луукфи. – Хорошо, я у них спрошу.

И отправился наверх.

– Сэр Макс, прекрати делать вид, будто тебе не смешно, – строго сказал шеф.

– Но мне действительно не смешно, – вздохнул я. – Потому что шутки шутками, а нас осталось всего двое – я и Нумминорих. При этом ясно, что кто-то должен дежурить в Управлении. И, с одной стороны, сердце моё исполнено сострадания. А с другой я теперь так хочу посмотреть на этот грешный дом, что лопну, если всё пропущу.

– Тогда иди ты, – великодушно сказал Нумминорих. – В моей жизни уже были подобные огорчения, и я совершенно точно знаю, что не лопну.

– Да я тоже не лопну, – честно признался я. – Просто оборот речи такой.

– Драма, достойная либретто Хайки Мухлобая, – ухмыльнулся Джуффин. – Накал благородных страстей. Я одного не понимаю, сэр Макс, с чего ты взял, будто в Управлении должен кто-то дежурить, когда здесь всё равно сижу я?

– А ты всё равно сидишь? – удивился я. – В смысле так и будешь сидеть?

– Да что я, как Малдо с ребятами строят, не видел? – зев-

нул он. – Чем опытней они становятся, тем скучней процесс. В самом начале всегда можно было надеяться, что вместо крыши у них получится гигантская жаба, или хотя бы второй этаж появится раньше первого и будет висеть в воздухе, печально завывая каминными трубами. А теперь уже вряд ли. Так что идите без меня. Тем более, что нам с вами жизненно необходимы сведения о тех несчастных обитателях иных миров, которых угораздит увидеть сон о строительстве дома по эскизу сэра Мелифаро.

– Спасибо! – просиял Нумминорих.

А я укоризненно покачал головой и строго сказал:

– Так ты нас совсем распустишь.

– Распущу, – согласился шеф. – А потом несколько лет буду восстанавливать дисциплину в коллективе, применяя какие-нибудь ужасающие воспитательные меры. Например, стану брать у генерала Бубуты Боха частные уроки... эээ... экспрессивной риторики. Старику будет приятно, а я узнаю много новых удивительных вещей о сортирах. Надо же мне хоть как-то развлекаться в этот безмерно тяжёлый период, когда золотой век Соединённого Королевства уже наступил, а я к нему ещё не готов. Эй, не смотри на меня так, сэр Макс! В твоих глазах я читаю готовность устроить новые Смутные Времена ради моего развлечения. Я тронут, но пока не надо. Когда станет совсем невыносимо, я тебе скажу.

– Ладно, – кивнул я. – Если Смутные времена не надо, я пошёл на Удивительную улицу. Удивляться.

Географический центр Ехо – очень странное место. В Эпоху Орденов он был ближним пригородом, где располагались в основном резиденции некоторых магических Орденов и дома Орденской наёмной прислуги, от добротных особняков в сельском стиле до совсем неприглядных лачуг: платили в Орденах очень по-разному.

Когда Ордена прекратили существование, их резиденции опустели, большинство бывших слуг разъехалось в поисках новой работы, и район быстро пришёл в упадок. Новый Город сперва хотели строить именно там, что, на мой взгляд, было бы гораздо удобней для всех. Однако городские власти отказались от этой идеи, рассудив, что люди суеверны и злопамятны, а значит, желающих жить по соседству с бывшими резиденциями магических Орденов найдётся немного. Поэтому Новый Город вырос на расстоянии чуть ли не часа езды от Старого, и бывшая окраина внезапно стала географическим центром столицы, но на деле так и осталась чем-то вроде заброшенной деревни. Здесь дешёвое жильё, но мало желающих его занять, и дело, как мне кажется, вовсе не в суевериях. Просто добираться до места работы или учёбы, в Старый или Новый Город, без разницы, отсюда далеко и неудобно. В Ехо нет никакого общественного транспорта, что, кстати, совершенно удивительно: всё-таки личный автомобиль – довольно дорогое удовольствие, регулярно пользоваться наёмными тоже мало кому по карману, а Тёмным Пу-

тём, даже чужим, заранее проложенным, ходить умеет хорошо если один из сотни горожан.

А в самом центре нет ни учебных заведений, ни государственных учреждений, ни рынков, ни ремесленных мастерских. Тут даже продуктовых лавок нет, зато иногда попадаются неплохие трактиры, фантастически дешёвые и практически пустые в любое время суток. Как их хозяева умудряются сводить концы с концами – это для меня неразрешимая загадка.

В общем, центр Ехо – идеальное место для жизни бегущего от суеты художника, безработного мизантропа или экономного одинокого колдуна, но больше, пожалуй, никому не подойдёт. Вернее, до сих пор не подходил. «Теперь-то наверное всё изменится, – думал я, пока мы с Нумминорихом шли по заросшей травой мостовой улицы Приветливых Улыбок. – Скоро появятся и лавки, и мастерские. Школа, наверное, какая-нибудь откроется. И контора по ремонту и сдаче в наём амобилеров. И агентство по найму домашней прислуги. И где, интересно, я буду гулять, когда мне внезапно захочется удалиться от Мира, но при этом сохранить возможность в любой момент свернуть в трактир, где нальют кружку сносной камры?»

– А ты знаешь, что здесь есть трактир? – спросил я Нумминориха, когда мы проходили мимо бывшей резиденции Ордена Потаённой Травы. – Ну то есть, как трактир. Просто подают напитки. Зато прямо в саду. Мне Меламори когда-то

показала, а то я бы ни за что его не нашёл.

– Напитки в саду резиденции Магистра Хонны? Надо же! Мне даже в голову не приходило сюда заглянуть. Хотя я довольно часто здесь гуляю. Люблю этот район. А теперь тут станет ещё лучше. Новые дома, новые люди, а значит, начнут открываться лавки и мастерские. Трактиры местные наверное расцветут, и куча новых появится. И как минимум одна начальная школа – не позже, чем через какие-нибудь полдюжины лет, вот увидишь. А может быть, художники захотят сюда перебраться? Если Малдо даже Мелифаро, о котором известно, что он государственный служащий с огромным жалованием, за интересный эскиз такую скидку сделал, то для хороших художников наверное вообще бесплатно строить согласится. Я, знаешь, давно думаю: как было бы здорово, если бы в Ехо появился квартал, где живут только художники. Или даже несколько кварталов. Чтобы скульптуры стояли прямо в садах, ожидая заказчиков. И картины развешаны на крышах на просушку, как простыни, идёшь мимо, смотришь, у кого что нового... Ох, слушай, с ума сойти, как же здорово тут может стать!

Всё-таки он неисправимый оптимист. Иногда это меня почти пугает – как всякое проявление абсолютно чуждой мне и при этом теоретически разумной жизни.

Не успел я задуматься, хватит ли нашего с Нумминорихом совместного могущества, чтобы без посторонней помощи

отыскать Удивительную улицу в неразберихе здешних переулков, как получил наглядный ответ. Мимо такой огромной толпы захочешь – не проскочишь. Судя по всему, эти добрые люди собрались поглазеть на чудесное рождение будущего дома Мелифаро, иных массовых развлечений в центре днём с огнём не сыщешь.

Я притормозил, обескураженный размерами и плотностью толпы. Мой интерес к волшебному строительству резко ослаб. Ненавижу толкаться.

Нумминорих, рванувший было вперёд, обернулся и адресовал мне вопросительный взгляд.

– Впору пожалеть, что я больше не ношу Мантию Смерти, – пожаловался я. – Сейчас бы всех одним своим видом разогнал.

– Зачем кого-то разгонять? – удивился тот. – Пусть смотрят на здоровье... А, ты наверное думаешь, что мы из-за них ничего не увидим? Увидим! Мы же друзья клиента и пришли по его приглашению, нам положены места в первом ряду.

– В этот первый ряд ещё пробиться надо.

– Скажи мне пожалуйста, сэр Макс, ты правда думаешь, что без Мантии Смерти тебя никто никуда не пропустит? – осторожно спросил Нумминорих. – То есть, тебе даже в голову не приходило, что весь город давным-давно знает тебя в лицо? – И, подумав, добавил: – Хотя вообще-то тебя даже узнавать не обязательно, достаточно на выражение лица посмотреть. Лично я бы тебя сейчас куда угодно пропустил,

просто на всякий случай. Чтобы не связываться.

– Правда, что ли?

Всякий раз удивляюсь, услышав, что я грозно выгляжу. Видимо потому, что слишком хорошо себя знаю и прекрасно понимаю, что до настоящей угрозы обществу мне ещё расти и расти.

Нумминорих только плечами пожал. Этот жест вселил в меня некоторый оптимизм. Ну, то есть, чувство, которое по моим меркам считается вполне себе оптимизмом, а на самом деле больше похоже на робкую надежду, что в ближайшее время никто не умрёт и не чокнется. Или, по крайней мере, умрут и чокнутся не все сразу. А поочерёдно, с прощальными вечеринками и перерывами на аккуратное оформление завещаний.

Окрылённый этой призрачной верой в условно лучшее, я сделал ещё несколько дюжин шагов в направлении толпы. Я бы сказал, не слишком стремительных. Нумминорих взирал на меня, как на чужого младенца, с умилением и раздражением одновременно. И явно успокаивал себя мыслью: «Ну, по крайней мере, он не орёт».

Мучения наши закончились совершенно внезапно: из толпы вынырнула Меламори и сказала:

– Ага, вы уже тут. Молодцы!

Одной рукой обняла меня за талию, другой вцепилась в локоть Нумминориха и потащила нас за собой, рассекая человеческое море, как пиратская шикка. Я и глазом моргнуть

не успел, как мы остановились рядом с грудой разноцветных одежд, под покровом которых скрывался будущий домовладелец.

Я думал, если уж дом для Мелифаро собрались строить каким-то непостижимым мистическим способом, значит, место, где он будет стоять, сейчас пусто. Зелёная лужайка, или вымощенная камнями площадка, или поле, аккуратно посыпанное мелким речным песком, как-нибудь так. Ну, может быть, вырыта яма – вдруг волшебному дому необходим нормальный человеческий фундамент? Кто их разберёт, этих Новых Древних. Чего я совершенно не ожидал – так это попасть на свалку. Вернее, к подножию огромной мусорной кучи, где вперемешку громоздились доски, мешки и коробки, осколки стекла, битые кирпичи, ветхая мебель, цветочные ящики, погнутые колёса, садовые скульптуры с отбитыми головами, облезлые ковры и прочая дрянь в таком роде. Украшением помойки, своего рода вишенкой на торте стала старая рыбацкая лодка – без дна, зато с таким запасом полованных вёсел, словно при жизни принадлежала какому-нибудь сторукому демону. Крайне неаккуратному в обращении с вещами.

– А, ну да, – вспомнил я. – Ты же говорил, что сам придумал проект. Дом, о котором мечтал в детстве. Прости, дружище, я тебя недооценивал. Думал, здесь будет какой-нибудь скучный пиратский замок, а ты, оказывается, великий

художник-авангардист. Гений, обречённый на непонимание современников. В частности, моё. Ты правда уверен, что вам с Кенлех тут будет уютно?

Мелифаро смотрел на меня, открыв рот. Наконец, хлопнул себя ладонью по лбу и заржал.

– Ты подумал, что это и есть мой новый дом? – сквозь смех спросил он. – Нет, правда?

– А это не он? – ухмыльнулся я. – Так ты, получается, не авангардист и не гений? Какое разочарование. Теперь не стану брать у тебя автограф, хоть ты тресни.

Мелифаро заржал ещё громче.

– Ну, кстати, я бы тоже подумала, что это и есть твой дворец, если бы не знала, как строят Новые Древние, – вступилась за меня Меламори. – А Макс, как я понимаю, не знает.

– На самом деле мне это только льстит, – признался Мелифаро. – Если даже вы думаете, что я настолько безумен, какая же у меня должна быть репутация в городе! Так сам не заметишь, как станешь персонажем очередной легендой о чокнутых колдунах, которые рассказывают студентам и непослушным детям. Папа будет рад.

– Но почему тогда тут столько мусора? – спросил я. – Или убирать его будут тоже волшебным способом? Это часть представления?

– В некотором смысле, – согласилась Меламори. – Только убирать его никто не станет. Мусор – самая необходимая вещь. Именно из него Новые Древние и строят.

Эту новость надо было как следует переварить. Поэтому я ничего не сказал. А стоял и таращился на свалку, как баран на новые ворота. Если, конечно, бараны способны так сильно удивляться.

– В этом, собственно, и состоит секрет успеха Новых Древних, – заметил Нумминорих. – Штука в том, что настоящие древние архитекторы строили дома буквально из ничего. То есть, на совершенно пустом месте. Поэтому для строительства им требовалась магия таких высоких ступеней, которые до сих пор запрещены. Да и не доступны почти никому.

– Три миллиона сто тысяч шестисотая ступень Чёрной магии и всего три миллиона сто тысяч пятьсот девяносто девятая Белой⁵, – понимающе кивнул я.

– Что-то вроде того. Такую старинную традицию захочешь – не возродишь. Разрешённой нынешними законами магии⁶ хватит только на иллюзию, которая ни от дождя, ни

⁵ Вообще-то наивысшая возможная ступень Очевидной магии, что Белой, что Чёрной, – двести тридцать четвёртая. Но когда это нас останавливали подобные мелочи.

⁶ На сегодняшний день Белая и Черная магия, не превышающие двадцатую ступень, разрешены всем по умолчанию. Для легального использования более высоких ступеней приходится получать специальное разрешение. Их выдают комиссии, созданные при Ордене Семилистника. Входящие в них эксперты проводят личные собеседования с каждым совершеннолетним гражданином Соединенного Королевства, желающим использовать магию, и по результатам выдают персональные лицензии. Подавляющему большинству законопослушных граждан обычно разрешается использовать магию до шестидесятой ступени, членам

от ветра не укроет, да и простоит ненамного дольше, чем еда для Базилио. Если подумать, это примерно один и тот же фокус, просто дом крупнее торта, и срок жизни у него, по идее, должен быть гораздо больше... В общем, ничего бы не получилось, если бы Малдо Йозу не пришла в голову простая и гениальная идея: вместо того, чтобы создавать материю из пустоты, как делали древние, её можно просто преобразовывать. Превращать одно в другое совсем не сложно, почти кого угодно можно этому научить. Легче всего, как я понимаю, строить на развалинах старых домов, добавляя по мере необходимости разного мусора для объёма. Но можно и без развалин, просто из чего попало. А уж мусора в Ехо более чем достаточно, ещё на много домов хватит. И городские власти только спасибо скажут за помощь в уборке свалок.

– А когда Ехо станет самым чистым городом в Мире, наши сообразительные купцы начнут возить мусор из Куманского Халифата, – вставила Меламори. – И за бешеные деньги продавать всем желающим обзавестись новым домом. По моему, отличный бизнес. Эх, почему я не пошла в моряки?!

– Это ещё не поздно исправить, – оживился Нуммино-

Ордена Семилистника, сотрудникам Тайного Сыска и особо одарённым колдунам, у которых не было фатальных неприятностей с законом с момента введения Кодекса Хрембера, – без ограничений. Есть некоторое количество промежуточных вариантов. Без разрешений остались только так называемые «мятежные магистры», то есть адепты запрещённых Орденов, представляющие собой потенциальную угрозу для государства, а также психически неуравновешенные и обладатели низкого интеллекта, представляющие потенциальную угрозу для самих себя.

рих. – В Корабельную Высокую Школу в любом возрасте берут.

– Эй, – потребовал я, – не отвлекайтесь. Рассказывайте дальше.

– Так нечего больше рассказывать, – развёл руками Нуминорих. – Малдо Йоз придумал строить дома из чего попало, и это сработало. Тогда он стал собирать команду, потому что, как я понимаю, колдовать над таким огромным объектом как дом всё-таки легче в большой компании, чем в одиночку. И наверное гораздо веселей. Они пока всего пару дюжин домов построили – сперва на окраинах Старого Города, а потом взялись за центр. Всё только начинается.

– Начинается! – эхом откликнулся Мелифаро.

Ну, то есть это я решил, что эхом. А на самом деле его реплика имела совершенно самостоятельную ценность. И означала, что на свалке, в смысле на строительной площадке наконец появились мастера. Около дюжины юных оболтусов с улыбками до ушей, все до единого в модных коротких лоохи, хоть стреляйся.

И пришли, конечно, не касаясь ногами земли, как это нынче заведено у передовой столичной молодёжи. Будь моя воля, я бы такое пижонство запретил законодательно, причём исключительно из сострадания к нашим горемычным модникам. Ходить в полуметре над землёй не особо трудно, но чертовски скучно. И всё внимание отнимает, так что по сторонам уже особо не поглазеешь. Никакого удовольствия

от прогулки. И практической пользы тоже никакой. Разве что обувь не снашивается, но я и в худшие свои дни не был настолько экономным.

Однако подобные вопросы, увы, решаю не я. А потому в наше время всякий житель столицы Соединённого Королевства, желающий быстро заработать репутацию мало-мальски способного колдуна, вынужден ходить по воздуху. И у Новых Древних архитекторов пока просто не было выбора: заказы-то им нужны и, как я понимаю, чем больше, тем лучше. Сперва надо хорошенько прославиться, а уже потом можно снова спокойно ходить по твёрдой земле. Как, например, я.

Пока я всё это обдумывал, на свалке появилось ещё одно действующее лицо. Лицо совершенно не стеснялось касаться ногами земли, а выглядело так, что в первую секунду я решил, будто на строительство решил поглазеть сам Король. И ужасно удивился: как же это Его Величество ухитрился сбежать из дворца без свиты, причём не инкогнито, как обычно, а при полном параде. То есть в шляпе, которую наши монархи носят вместо короны. А кроме царствующей особы, вроде бы, никто.

Но, приглядевшись, я понял, что никакой это не Король. И шляпа на нём вовсе не Королевская. Такой широкополый зелёный ужас, для пущего устрашения консервативных обывателей вроде меня украшенный синим пером птицы сыйсу, Его Величество Гуриг Восьмой, возможно, согласился бы надеть. Но только ради спасения Соединённого Королевства

и нескольких дюжин лукошек пушистых котят в придачу. Да и то, честно говоря, не факт.

– Ну всё, Малдо явился, – сказал Мелифаро. – Сейчас пойдёт дело.

– Вот этот, в шляпе, и есть Малдо Йоз? – переспросил я. – Хочешь сказать, ты доверил строительство своего дома человеку в такой шляпе?! Не узнаю тебя, дружище.

– Чем тебе его шляпа не угодила? По-моему, отличная вышла шутка. С одной стороны, человек нахально носит Королевский головной убор, с другой – форма и цвет так сильно отличаются от канонических, что дворцовые блюстители этикета не могут запретить Малдо так одеваться. Хотя им, конечно, очень хочется. Но убедительных аргументов не хватает. Если бы я не состоял на государственной службе, сам бы что-нибудь такое придумал.

Ох. Могу вообразить.

Ну или не могу.

Малдо Йоз тем временем направился к нам. Шёл так стремительно, будто состязался с невидимым, но шустрым соперником и решил во что бы то ни стало добраться до нас первым. Лицо его можно было бы назвать непримечательным, если бы не глаза – небольшие, глубоко посаженные, но такого неправдоподобно яркого голубого цвета, словно он спёр их с картинки в какой-нибудь детской книжке.

Издаലെка Малдо Йоз показался мне очень высоким, но на

деле был заметно ниже меня. Просто обладал осанкой и манерами, типичными для долговязых людей. Очень широкий шаг, лёгкая сутулость и такая особая посадка головы, будто ему постоянно приходится смотреть на всех сверху вниз. Интересно, как это технически возможно при росте чуть ниже среднего? Колдует, что ли?

Я думал, Малдо Йоз решил обсудить с Мелифаро какие-нибудь последние детали, но он подошёл прямо ко мне, вежливо прикрыл глаза ладонью, длинной и узкой, как лезвие ножа, пробормотал положенную формулу «Вижу как наяву», ослепительно улыбнулся и сказал:

– Сэр Макс, я так и знал. Вы пришли смотреть на нашу стройку. Какой ужас.

Голос у него оказался очень громким. Но, хвала Маги-страм, хотя бы не противным. Вполне благозвучный баритон. С таким, наверное, хорошо быть драматическим актёром в наших суровых условиях, когда театральным труппам приходится выступать в трактирах. Этот, пожалуй, всех развесёлых пьяниц перекричит и сам не заметит.

– Почему ужас-то? – спросил я.

– Я давно хотел с вами познакомиться, – Малдо Йоз улыбнулся ещё шире. – Слушайте, вы даже не представляете, как сильно хотел! Но не приставать же к вам на улице, зазывая на кружку камры. Логичней всего было бы пригласить вас посмотреть, как мы работаем – это, по крайней мере, интересно. Но я оттягивал этот момент, как мог. Опасался, что на ра-

достях начну выпендриваться, завалю всё дело и опозорюсь навсегда. И вдруг вы сами пришли, да ещё на самый сложный из наших объектов. Ладно, работаем с тем, что есть, и да хранят нас всех Тёмные Магистры.

Он пошёл было обратно, к своим коллегам, но вдруг обернулся и неожиданно подмигнул мне, как старому приятелю. Дескать, не обращай внимания на мою болтовню, она не имеет ни значения, ни смысла. Просто когда знакомишься, приходится говорить какие-то слова, желательно приятные собеседнику, но можно и просто любую условно вежливую ерунду.

Ишь какой.

А потом Малдо Йоз что-то сказал своим пижонам, те как миленькие спустились с небес на землю и заняли свои места вокруг мусорной кучи. Сам он полез куда-то в её середину, то и дело цепляясь за доски полами серого лоохи – хвала Магистрам, оно было вполне нормальной человеческой длины. В смысле до колен. По нынешним временам длиннее уже просто невозможно. Даже я такие больше не ношу.

Но любоваться его упоительно консервативным нарядом мне довелось недолго, потому что несколько секунд спустя Малдо Йоза поглотил хаос. В смысле, он благополучно забрался в самый центр свалки и скрылся из глаз.

И тогда началось самое интересное.

Если бы накануне Шурф не водил меня в Скандальный

переулок, я бы сейчас прыгал, как ребёнок, впервые попавший в цирк, дёргал бы за рукава всех подряд, знакомых и незнакомых, вопил бы во всю глотку: «Ты видишь? Как они это делают вообще?! А сейчас? Смотри, смотри!»

Я, впрочем, и так был готов запрыгать и завопить, но после давешнего опыта сдерживаться оказалось легче. Когда огромная куча хлама задрожала и вспыхнула тусклым при дневном свете, но отчётливо разноцветным сиянием, я вспомнил: «Точно, дом с птицами тоже светился прежде, чем стать круглым». Когда в сияющем месиве стало невозможно разобрать, где тут доски, где тряпки, а где лодка с вёслами, подумал: «И это было». А к тому времени, как хаос постепенно обрёл определённые очертания и стал похож на гору огромных детских кубиков, каким-то причудливым образом поставленных один на другой, я уже более-менее освоился с происходящим. Шепнул Мелифаро:

– Прости, беру свои слова обратно. Ты всё-таки гений, и я буду выпрашивать у тебя автограф. Возможно, трижды на дню. Всякий раз, как вспомню твой новый дом, так и буду.

– Ладно, – снисходительно отозвался он. – Выпрашивай, мне не жалко. Только бумагу и карандаш с собой носи, у меня их отродясь не было.

– И очень зря, – заметила Меламори. – Мог бы уже давным-давно загреметь в Приют Безумных. Чертил бы там проекты новых волшебных дворцов, а мы бы тебя навещали. И всем было бы хорошо и интересно.

– Я и так давным-давно туда загремел, – отмахнулся Мелифаро. – Или ты до сих пор считаешь нашу клинику для особо безнадёжных психов государственным учреждением, ответственным за безопасность Соединённого Королевства? Добрый знахарь дядя Джуффин тебе это сказал, и ты поверила? Потрясающая наивность.

Я бы с удовольствием принял участие в их беседе, но меня отвлекли. В смысле прислали зов. Причём я сначала не понял, кто именно. Слушал звенящий у меня в голове тонкий голосок и гадал: кто бы это мог быть. Голосок успел пожелать мне хорошего дня, спросить, не очень ли я занят, поблагодарить за то, что не оставил одну на рассвете – и только в этот момент до меня дошло, что со мной разговаривает Базилио. Надо же, как быстро она освоила Безмолвную Речь! Интересно, кто её научил? Ладно, главное, что теперь мне не придётся возиться ещё и с этим.

«У тебя всё в порядке?» – спросил я.

Закономерный вопрос, если хорошо знать Базилио. Ещё вчера она была деликатнейшим в Море чудовищем, часами размышлявшим, можно ли побеспокоить домочадцев просьбой об ужине или лучше всё-таки подождать, пока мы сами спохватимся. И вряд ли из этого материала могла получиться нахальная девица, способная дёргать людей по пустякам.

«Всё в полном порядке, – поспешно ответила Базилио. – И у меня, и вообще дома. Просто когда ты ушёл, я ещё спала и не успела задать тебе один важный вопрос. Ни за что не

стала бы к тебе приставать, но ответ мне нужен до вечера. А ты вряд ли так рано придёшь...»

«Так спрашивай давай, – потребовал я. – Пока у меня не началась какая-нибудь погоня с перестрелкой».

Стыдно, конечно, обманывать ребёнка. Но не признаваться же ей, что весь такой из себя великий и ужасный я до сих пор устаю от Безмолвной Речи, как от разгрузки вагонов. К тому же очень сложно объяснить непосвящённому, что такое «вагон», и почему его тяжёлое содержимое нельзя просто уменьшить и унести в пригоршне, не задействуя мускульный аппарат. Так что лучше и не начинать.

«Ты вчера сказал, что все захотят отпраздновать моё... Ну, что я внезапно стала человеком. И вечеринка будет завтра же. То есть уже сегодня. Это правда? Ты не шутил? Все придут? Причём не к тебе в гости, а специально лично ко мне? Но тогда, получается, надо как-то подготовиться?»

Ох ты чёрт. Как я мог забыть. Всё-таки леди Сотофа Ханемер действительно способна ошибаться в людях. Тоже мне «прирождённый опекун юных леди». Прирождённый свинтус с дырявой головой – вот я на самом деле кто. Наобещал ребёнку гостей, а сам никого не позвал. Если это не самый верный способ разбить девичье сердце, я сдаюсь.

Но всего этого я говорить не стал. А тоном, не допускающим сомнений, заявил: «Конечно, к тебе все придут! Вечера дожидаться не могут. Но готовиться совершенно не обязательно. Пошлём зов в трактир, пироги сами к нам прилетят.

И выпивка за ними вдогонку. Так что забудь».

«Нннууу... – нерешительно протянула Базилио, – понимаешь... Мне же, наверное, надо как-нибудь красиво нарядиться? А у меня ничего нет. Никакой человеческой одежды, кроме той, которая на мне».

Тут я окончательно убедился, что даже мало-мальски сносным опекуном юных леди мне не бывать никогда. В противном случае я бы ещё вчера сообразил, что кто-то должен отвести Базилио за покупками.

Ладно, эту оплошность будем исправлять потом. Прямо сейчас-то что делать?

«Моя гардеробная в твоём полном распоряжении, – сказал я. – Мы почти одного роста, а мужчины и женщины одеваются примерно одинаково, так что никаких проблем. Правда, я катастрофически отстал от моды, так уж тебе со мной не повезло».

«А сэр Мелифаро меня не засмеёт?» – осторожно спросила Базилио.

Мнение остальных её, хвала Магистрам, совершенно не тревожило. Надо же, как она нас всех хорошо изучила.

«Пусть только попробует, узнает, в каких болотах вурдаки ночуют, – грозно пообещал я. – Буду нас защищать. В смысле тебя и своё чувство стиля. Не вешай нос».

«Да я и так не вешаю. Наоборот! Еще вчера в это время я даже не подозревала, что скоро у меня появятся самые настоящие человеческие проблемы. Например, что надеть к

приёму гостей. Это же здорово!»

Я окончательно уверился, что неправильно классифицировал внезапно появившееся у меня в доме неведомое чудище как аналог василиска. На самом деле это был ангел. И превращение в человека в этом смысле ничего не изменило.

...Пока мы трепались, с домом было покончено. В смысле он уже неподвижно стоял на месте, не светился и не дрожал. И больше не изменял форму. Так и подмывает добавить: «И напрасно не изменял», – но это будет неправда.

Результат работы Новых Древних архитекторов над детской мечтой Мелифаро совершенно не походил на жилой дом, как я его себе представляю. Скорее уж на неудачно собранную гигантскую пространственную головоломку. Но при этом сооружение было прекрасно – если смотреть на него не с практической точки зрения, прикидывая, сколько комнат внутри, как они выглядят, и можно ли поставить там хотя бы один обеденный стол, а как на произведение искусства. Точнее, на огромную авангардную скульптуру, состоящую из множества разноцветных частей столь причудливых форм, что здравый смысл требовал немедленно разобрать эту невозможную конструкцию и больше никогда ничего подобного не делать. Зато все остальные составляющие моей личности дружно рукоплескали результату. И я, пожалуй, был на их стороне.

– Ну ни хрена же себе хрень! – наконец сказал я.

Ответом мне был дружный вздох, выражающий, как я понимаю, полное согласие с моей развёрнутой рецензией.

Меламори потянула меня за полу лоохи.

– Эй, а почему ты за меня не заступился?

– А надо было? – удивился я.

– Не то чтобы позарез. Но мне было бы приятно. Этот псих, соавтор нового архитектурного шедевра, утверждал, будто он – единственный более-менее вменяемый человек в Тайном Сыске. А у меня всех аргументов: «Сейчас в глазах». Ты всё-таки гораздо более красноречив.

– Я всё прослушал, потому что разговаривал с Базилио. И, кстати, сказал ей, что вечером все придут поздравлять её с чудесным превращением. Надеюсь, не соврал.

– Ну слушай! – возмутился Нумминорих. – Мы бы и так пришли, без всяких напоминаний. Ты что! Мне ужасно интересно, какой он стал.

– «Какая», – поправила его Меламори. – Базилио у нас теперь юная леди. Внезапно. Отличная, кстати, девчонка получилась. Даже хорошо, что не мальчишка, а то я бы, пожалуй, положила на него глаз... Сэр Макс, убери свой кулак из-под моего носа. Только подумай: мальчишка, который умеет превращаться в такое страшное чудовище! Немыслимый соблазн.

– Ну да, – ухмыльнулся я. – Сердцу не прикажешь, понимаю.

– Совершенно уверен, ты специально подстроил это ду-

рацкое превращение с ещё более дурацкой вечеринкой, чтобы не дать мне спокойно переехать в новый дом, – ухмыльнулся Мелифаро.

– Так ты придёшь? – обрадовался я.

– Ну а как ты думаешь?

– Отлично. Тогда слушай меня внимательно. У Базилио пока нет никакой одежды. Просто не успели – не то что купить, даже подумать об этом. И я одолжил ей свою...

– Бедная девочка.

– С удовольствием выслушаю все твои комментарии по этому поводу. Но – наедине! А ей, будь добр, скажи комплимент, хоть плохонький. Базилио очень переживает, что ты будешь смеяться над её нарядом.

– Что лишний раз демонстрирует незаурядность её ума, – невозмутимо кивнул Мелифаро. – Не успела стать человеком, а уже понимает, что по-настоящему важно, а что – суета сует. И какими ужасными тряпками забиты шкафы её покровителя, бедная девочка тоже уже осознала. Ничего, она сильная. Она справится.

– Вот напрасно вы все забываете, что я на самом деле тоже умею превращаться в чудовище, – угрожающе сказал я. – А я меж тем ещё как умею! Просто ленюсь – до поры. И, кстати, в отличие от безобидной Базилио, я – чудовище-людоед. Вы не представляете, как трудно было в прошлый раз никого не сожрать. А теперь даже и не знаю, стоило ли отказывать себе в самом необходимом...

– Ух ты, точно же! – обрадовалась Меламори. – А я и забыла, что ты у нас такой прекрасный. Решено, раз так, остаюсь с тобой. От добра добра не ищут.

– Ладно, – Мелифаро тоже сразу стал покладистым. – Я скажу Базилио как минимум один комплимент. Может быть, два, больше не обещаю. Не могу много врать, очень от этого устаю. Но учти, завтра же я отведу её в лавку с нормальной одеждой. И можешь откусывать мне столько голов, сколько сочтёшь нужным. Моё слово твёрдо.

– Именно об этом я и собирался тебя попросить, – кивнул я. – И ещё об одном одолжении...

– Это о каком? – нахмурился он. – Свою одежду я ей не дам, даже на один вечер, и не проси.

– И хвала Магистрам, что так. Ты вообще хоть о чём-то, кроме тряпок, можешь думать? Я просто хочу посмотреть, как устроен твой дом изнутри. И остальные, уверен, тоже.

– Так я и сам хочу, – улыбнулся он. – Но видишь, Малдо ещё не вышел. И ребята застыли как околдованные. Это значит, что создание внутренних перекрытий и отделка пока не закончены. Ждём.

Только сейчас я обратил внимание, что юные строители в куцах лоохи по-прежнему неподвижно стоят на своих местах. И выглядят, скажем так, не самыми бодрыми людьми в этом городе. Иными словами, вот-вот в обморок от переутомления грохнутся, один за другим. И только тогда я наконец сообразил, что всё это развесёлое быстрое строитель-

ство – не ребяческие развлечения, а серьёзное древнее колдовство. Которое, возможно, мне самому оказалось бы не под силу; без долгих тренировок – так точно. А я почему-то всё это время смотрю на них снисходительно, как на резвящихся детей. К нарядам придираюсь. И шляпа Малдо мне чем-то не угодила.

Как есть дурак.

Несколько минут ожидания показались мне вечностью. И не потому что я так уж сильно рвался посмотреть дом изнутри, хотя любопытно было, конечно. Просто невольно осознав степень прилагаемых строителями усилий, я уже не мог отвлечься и перестать им сопереживать. В каком-то смысле трудился вместе с ними, но не на результат, а, так сказать, ради собственных острых ощущений. И так заигрался, что действительно зверски устал.

Поэтому когда ребята вдруг одновременно хлопнули в ладоши и попадали в окружающую новый дом траву, смеясь и продолжая аплодировать, я тоже уселся – прямо на землю. Сколько можно стоять.

Полосатая дверь, расположенная в основании удивительной конструкции, распахнулась, и из дома пулей вылетел Малдо Йоз. Выглядело это так, словно за ним гналась толпа мстительных демонов, но на самом деле это он просто вышел. По своим меркам, наверное, даже неторопливо. Вразвалочку. Потому что тоже зверски устал, просто не подавал

виду, поскольку явно принадлежал к дурацкой породе человеческих существ, для которых пускать пыль в глаза – всё равно что дышать.

Толпа, собравшаяся на Удивительной улице, естественно взорвалась восторженными воплями и хлопками. Даже несколько фейерверков на радостях запустили, хотя при дневном свете особого смысла в них нет.

Мелифаро подпрыгнул от избытка чувств, рванул к дому, и они с Малдо обнялись на глазах у восхищённой публики. Что-то друг другу говорили, я не слышал, но уверен, что комплименты. «Это гениально», «ну вы даёте», «самый удивительный заказ в моей жизни» и так далее. На их месте я бы сейчас и сам такое говорил. Помощники Малдо Йо-за понемногу поднимались с травы и включались в ритуал братских объятий, так что в конце концов стали походить на футбольную команду, только что забившую решающий гол. Но в Соединённом Королевстве в футбол не играют, так что оценить красоту моего сравнения было некому.

– Даже немножко завидно, – шепнул Нумминорих, присаживаясь рядом. – Хотя ясно, что мне повезло больше всех в Мире: быть Тайным сыщиком в сто раз круче, чем кем-нибудь другим. Но прямо сейчас они такие счастливые! Сделали очень трудное дело, и у них всё получилось. Как же я это люблю!

– Мне и самому завидно, – признался я. – Просто мы с тобой давненько ничего невозможного не делали. И даже про-

сто трудного. Надо это как-то прекращать. С другой стороны, не всё от нас зависит. Нет работы, значит нет, ничего не попишешь.

Меламори села рядом с нами.

– Почему-то считается, что отсутствие работы – это благо, – сказала она. – Какое враньё!

Так и сидели втроём, печально вздыхая, отчаянные бездельники, которым вдруг стало некого и не от чего спасать, жертвы золотого века Соединённого Королевства, внезапно наступившего для нас всех. И хвала Магистрам, что наступившего. А мы – да чёрт с нами. Потерпим как-нибудь. Вечеринку, например, устроим. А потом ещё одну.

Наконец героям дня надоело обниматься, и Мелифаро призывно помахал нам рукой – давайте сюда. Мы подскочили, но первой возле него оказалась выпрыгнувшая откуда-то из толпы длинноногая девица, в которую недавно превратилась Кекки Туотли.

Мелифаро сперва оторопел от её напора, но быстро сообразил, в чём дело, и громогласно, так что даже мы слышали, представил её строителям как свою троюродную тётку, только что приехавшую из графства Вук, где бедняжка всё это время трудолюбиво пасла графских менкалов. Всё-таки сколько лет знаю этого типа, столько удивляюсь, что он до сих пор жив. Долго сердиться на него невозможно, это ясно. Но для убийства иногда бывает достаточно одной секунды.

Я проверял.

– Ну вот, ни хрена вы не завалили и не опозорились, – сказал я Малдо Йозу, который стоял на пороге нового дома и натурально светился от счастья. – А обещали. И где?!

– Я вообще довольно ненадёжный человек, – ухмыльнулся он. – Даже помощников сперва набирал специально для того, чтобы было кому ловить меня по всему городу и в нужное время доставлять на стройку. Правда, потом оказалось, что без них ничего по-настоящему интересного не сделаешь. Но это уже совсем другая история. И другой разговор. Серьёзный. Прямо сейчас не потяну.

– И не надо. Ваше дело маленькое: поживать на лаврах и слушать комплименты. Невероятную штуку вы тут сотворили. Не понимаю, как.

– Сам пока не понимаю. Но совершенно точно знаю, что, если бы не сэр Мелифаро, мы бы и за сто лет до такого не додумались. Вот ради чего я всегда хотел, чтобы всякий будущий владелец сам придумывал дом, а не выбирал из готовых эскизов. В этом, собственно, главный смысл нашей работы. Я уверен, что каждый человек – художник, просто мало кто догадывается о своём призвании. И если не тормозить, не требовать, не вкладывать насильно в руки карандаш, большинству никогда в голову не придёт попробовать себя в роли творца. И невероятные вещи вроде этого дома так и останутся невидимыми для остальных.

А я жадный. Хочу увидеть как можно больше интересно-го. И не в воображении, а собственными глазами. И руками потрогать. И если ради этого надо как следует поработать, я готов. Всё честно. Ну что, пошли смотреть?

И наконец посторонился, пропуская нас в дом. Меня почему-то первым, хотя, по идее, эта честь должна была принадлежать художнику. То есть Мелифаро. С другой стороны, может быть в Соединённом Королевстве тоже бытует суеверие насчёт первого вошедшего в новый дом? И меня запустили вместо кошки? Правильно, молодцы, что мне сделается.

Если верить городским легендам, ни-че-го.

Внутреннее устройство дома потрясло меня до глубины души. Но не очередным причудливым витком художественной мысли, а наоборот – простотой, рациональностью и лаконичностью. Когда снаружи дом выглядит как горячечный бред умирающего счастливым геометра, как-то не ожидаешь обнаружить внутри просторные комнаты правильной формы. Огромную гостиную с примыкающими к ней кладовой и кухней на первом этаже, три тщательно изолированные друг от друга спальни на втором, библиотеку и два кабинета на третьем.

– Надо же, – сказал я Мелифаро. – Нормальное человеческое жильё. Ты тут зачакнешь, дружище.

– Не выдумывай, – отмахнулся он. – Я даже на улице Хму-

рых Туч за столько лет не зачах, а уж насколько унылое место. Одно название чего стоит. Чтобы начать тосковать, требуется прорва свободного времени. Мне такая роскошь не светит. По крайней мере, не в ближайшие годы. А в доме, куда приходишь, чтобы упасть и уснуть, должно быть удобно. И всё понятно.

Он, кстати, совершенно не преувеличивал. Пока мы бездельничаем в ожидании каких-нибудь невнятных мистических событий, Мелифаро, сэр Кофа с Кекки и вся городская полиция в придачу продолжают заниматься так называемыми «незначительными происшествиями», из которых, собственно, и состоит человеческая жизнь. Поэтому им даже на короткий отпуск рассчитывать не особо приходится. Счастливики, что тут скажешь.

– К тому же, – добавил Мелифаро, – у меня, по удивительному стечению обстоятельств, есть жена. Кенлех, как тебе известно, простодушное дитя степей, а потому гораздо мудрей всех нас вместе взятых. Ей абсолютно всё равно, как наш дом будет выглядеть снаружи, вон даже на строительство смотреть не пришла, сказала: «Ещё успею налюбоваться». Но выставила два жёстких условия: чтобы число комнат в доме не превышало дюжины и чтобы ни в одной из них у неё не кружилась голова.

– Справедливые требования, – согласился я. – И ты их честно выполнил.

– Не совсем, – признался Мелифаро. – Ты ещё не видел

мой кабинет на крыше. Он в форме неправильной пирамиды, и пол там под таким наклоном, что на ногах устоять трудно.

– Ну так пошли покажешь.

Мелифаро помотал головой.

– Прости, но нет. В детстве я мечтал, чтобы это была волшебная комната, куда не может зайти никто кроме меня. Малдо честно сказал, что так заколдовать отдельное помещение, оставив нетронутым весь остальной дом, пока не умеет. Да я и сам, честно говоря, плохо понимаю, как подступиться к подобной задаче. Но, по крайней мере, я могу никого никогда туда не пускать. Один пойду посмотреть. Не обижайтесь.

Какие уж тут обиды. В жизни не подумал бы, что у этого невыносимого типа есть такая трогательная мечта: запереться в одиночестве и хотя бы полчаса в сутки никого не доставать.

– Так, стоп, – внезапно сказал Нумминорих. – А где Луукфи с буривухом? Он же тоже сюда собирался. Даже с самым неторопливым возницей давным-давно можно было доехать.

– А вот угадай, где он, – ухмыльнулся Мелифаро. – Сейчас проверим, прилагается ли к твоему носу хоть какое-то подобие головы.

Нумминорих нахмурился.

– Заблудился?.. Нет, погоди, не просто заблудился, а пе-

репутал твои квартиры? Старую и новую?

– Он и тебе успел прислать зов и пожаловаться, что при-
был на улицу Хмурых Туч, а там ничего интересного не про-
исходит?

– Да нет, конечно. Я подозреваю, сэр Луукфи вообще до
сих пор не в курсе, что я тоже служу в Тайном Сыске. По
крайней мере, сегодня, застав меня в Зале Общей Работы,
он расспрашивал, как продвигается моя учёба. Услышав, что
я уже много лет нигде не учусь, от всего сердца поздравил
с её завершением, а потом выразил надежду, что сэр Макс,
которого я, по его версии, пришёл навестить, уже вернулся
из отпуска и будет очень рад меня видеть.

– То есть, хочешь сказать, насчёт улицы Хмурых Туч ты
просто угадал? – изумился Мелифаро.

Нумминорих скромно пожал плечами.

– Он не угадал, а проанализировал известные ему факты и
сделал наиболее вероятный вывод, – заметил я. – Есть такая
штука – мыслительный процесс. Ты, небось, и не слышал,
бедняга. Был бы здесь сэр Шурф – составил бы тебе спи-
сок рекомендуемой литературы для первоначального озна-
комления с вопросом. Но я буду милосерден и скажу тебе:
плюнь. Мы любим тебя не за это. А за незаурядный художе-
ственный дар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.